

АННА СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

IDEAL
ЖЕРТВЫ

← ЗНАКОМСТВО
с идеальными жертвами

Самый опасный враг — идеальная жертва. Идеальная жертва — это человек, который не знает, что он идеальная жертва. Идеальная жертва — это человек, который не знает, что он идеальная жертва. Идеальная жертва — это человек, который не знает, что он идеальная жертва.

Узнайте больше о ней!

Анна и Сергей Литвиновы

Идеал жертвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177963

Анна и Сергей Литвиновы. *Идеал жертвы*: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33263-2

Аннотация

Женщины для него – всего лишь расходный материал. Он использует их, строя свою карьеру и приумножая состояние, а потом уничтожает. Механизм отлажен и не дает сбоев. До тех пор, пока на его пути не встречаются они... Бэла – воспитательница детского сада, закомплексованная и одинокая, но волею случая оказавшаяся наследницей огромного состояния. Лиля – тренер по фитнесу, уверенная в себе, красивая и жесткая, ведь ей всего в жизни приходится добиваться самой, а на плечах – маленький сын и мама-пенсионерка. Казалось бы, силы неравны: на его стороне деньги, жизненный опыт и власть, а женщины доверчивы и беззащитны. Однако на этот раз все сразу пошло не по плану...

Содержание

Из тайного дневника	4
Лиля	5
Бэла	15
Лиля	24
Бэла	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна и Сергей Литвиновы

Идеал жертвы

Из тайного дневника

Женщины – это не более чем расходный материал. Однако только благодаря им я добился всего. Благодаря их глупости. Жадности. Склочности. Лени.

С женщинами на самом деле очень просто. Первый и главный постулат: дама должна быть уверена в собственной исключительности. Ни одной, даже мимолетно похожей на нее, в мире нет – и точка.

И еще. Ты должен внимательно слушать свою жертву. Всегда. Когда она лепечет любые глупости – даже по-идиотски рассуждает о политике, автомобилях, футболе. Рассказывает жарко и красочно, какие сволочи мы, мужчины. Бесконечно и нудно жалуется на жизнь. И пусть у тебя внутри все клокочет, все равно: смотри заинтересованно и кивай.

Ну, и, конечно, все эти милые мелочи: цветы, комплименты, преданные взгляды. Нежные касания плеч. Мимолетные, чтобы сердце застыло в предвкушении, поцелуи...

Женщины – дуры. Они не смотрят, молод ты или стар. Богат или беден. Умен или глуп. Просто восхищайся ими – и они вознесут тебя в такие выси, о каких ты не смел даже мечтать.

Еще десять лет назад я был *никто*. Безвестный нищий изгой. А теперь своей властью возвеличиваю и убиваю. И с каждым днем все ближе и ближе подхожу к своей Великой Цели.

Мне осталось совсем немного. И моя миссия, мое предназначение будет выполнено. А сколько на пути к нему падет наивных и беспечных дурочек, меня абсолютно не волнует. Потому что женщины – Наташи, Кати, Бэллочки, Лилечки, Машеньки – всего лишь ступеньки на пути к моей личной вершине.

Лиля

Денег оставалось ровно двести рублей. В округлости этой суммы заключалось что-то насмешливое и даже издевательское. Я еще раз пересчитала купюры и мелочь. И правда: точнехонько двести. Не двести пять, не двести семь и даже не сто девяносто девять.

Две сотни – и пять дней до полочки.

Нет, с голоду я не помру. И мой Максимка тоже. Мама проявляла чудеса экономного хозяйствования. Из скромного бюджета – моя зарплата, ее пенсия и совсем уж смешное детское пособие – она обеспечивала нам троим питание. Без икры, конечно, и часто даже без мяса, но трехразовое, семь дней в неделю. Больше денег не хватало ни на что. Я забыла, когда последний раз покупала модную шмотку. Я сто лет не была у косметолога. Я даже не могла припомнить того приятного ощущения, когда тебе делают педикюр.

А Максимушка! Он давно просится покататься на настоящей карусели. Завтра и послезавтра у меня выходные. Я могла бы сводить его в городской парк. Мы полетали бы с ним на качелях, проплыли на чертовом колесе. Гордый, он один оседлал бы карусельную лошадку и кружил, махая мне ручкой. И, усадив его рядышком, я проехала бы на любимом аттракционе, не изменившемся со времен моего детства: на электрической машинке старого автодрома. Потом мы зашли бы в кафе, заказали мороженое и «колючей воды» (так малыш называет «колу»), и я бы показала Максимке, как просыпаются весной кустарники и деревья.

И вполне возможно – даже наверняка! – на меня положил бы глаз какой-нибудь папаша при своем отпрыске. Мы с ним слегка бы пофлиртовали, покуда дети общаются. А потом, кто знает! Может, наши отношения и не ограничатся одной болтовней на лавочке детской площадки...

Горпарки и прочие места семейных увеселений перспективны для одинокой женщины с ребенком. Если кто-то считает, что для знакомства больше всего подходит вечерний ресторан, он глубоко неправ. В ресторане, конечно, время можно провести приятней, но субботний парк, утренний спектакль и детский киносеанс предоставляют куда больше шансов. Надо только правильно фильтровать возможных кандидатов. Образцовые главы семейств не подходят. Зачем вам те, что пасут своих отпрысков, в то время как их законные мадамы заняты стиркой – уборкой – борщами? Вычленив «счастливых отцов» легко – главным образом, по тусклым затравленным глазам. А вот воскресные папы – совсем другое дело.

Многие огульно записывают «воскресных пап» во второй сорт. Категорически не согласна. Конечно, в любом мужике, даже самом, на первый взгляд, расчудесном, в итоге изъянов обнаруживается больше, чем достоинств. Однако отцы-разведенцы обладают, на мой вкус, неоспоримыми плюсами.

Не надо забывать, что у них хватило воли, характера, ума и денег для того, чтобы развестись с опостылевшей супругой и вдобавок суметь построить свою бывшую так, чтобы она разрешила ему посещать ребенка в выходные. Да и отцовская привязанность к малышу дорогого стоит. Раз он любит *своего* – значит, есть шанс, что и вашего полюбит. К тому же, если разведенный занимается с отпрыском, значит, он человек ответственный.

Не то что мой бывший – Юрик. Тот просто канул как в воду, и все. Растворился где-то на просторах России, а может, СНГ и целого мира. И судьба нашего Максимушки его нисколько не интересует (не говоря уже об алиментах).

Я вздохнула. Ох, далеко же я улетела в своих мыслях после банального пересчета денег. Ведь занятия на сегодня окончены. Я могу мчаться домой. Там ждут меня мой сынуля и мамин ужин. Однако я сижу, как дура, в своем крохотном кабинетике. В убежище без окон, под которое я выкроила часть раздевалки и отремонтировала собственными руками. Сижу и размышляю о презренном металле...

Хорошо бы денег занять. Но у кого? У Василисы? Исключено. Подруга сама сидит на голодном пайке. К тому же у нее хватило ума доверить семейный бюджет идиоту Стасику, своему мужу. А он мало того, что меньше супруги зарабатывает – еще и требует от нее отчета за каждую копейку.

Может, перехватить у соседки и крестной Ильиничны? Но у нее все равно больше тысячи не возьмешь, мне же для полного счастья требуется хотя бы три. А еще Ильинична, зануда, лекцию мне прочтет о правильной семейной экономической политике.

Или потряхнуть Машку, мою подружку еще со школьных лет? Но я ей и так пять тысяч должна, и она при каждой встрече зудит, что уже весна, а я ее оставила без босоножек. Без новой кофточка. Без приличного купальника. Без модного летнего платья... Без светлой, как положено летом, сумочки... Будто все это можно купить на несчастные пять штук!

Кто же еще способен стать моим кредитором? Получается, что только Емельян Петрович, по кличке Пугачев, директор нашего спорткомплекса. Денежки у него всегда водятся. Беда лишь в том, что я и ему уже должна. Целый «червонец» (то есть десять тысяч).

Мне не нравится ходить у него в должниках. Но когда я в прошлую получку пришла ему деньги отдавать, директор на меня руками замахал: не смей, мол, и чтобы я об этом не слышал! Я не стала настаивать – понятно почему. Совсем, что ли, дурочка – уговаривать любовника, чтоб он у меня еще и деньги взял!

Мысль получить у начальника новый заем была очень соблазнительной. И отдавать ведь опять не придется... Беда только, что я еще неделю назад решила: с Емельяном надо рвать. То есть начальником он пусть остается, но больше никакого секса. А если снова у него одалживать, значит, плавно свести нашу связь на «нет» не получится. Емеля – он ведь тоже не дурак. Деньгами всегда поможет, но, как говорится, не бесплатно. В принципе, Емельян мужик неплохой, добрый, и даже, к моему громадному удивлению, мне было хорошо с ним, когда... Короче, я часто ухитрялась получать с «Пугачевым» самый настоящий оргазм, поэтому к сексу претензий нет. Но вот *до того* и *после того*... С этой точки зрения роман с Емельяном был ниже всякой критики. Банальная связь на рабочем месте. Свидания в его кабинете или в комнате отдыха сауны после закрытия нашего спорткомплекса. И ни малейших перспектив – хотя Емельян нашептывал мне, разумеется, что любит, что я его божество и он готов хоть завтра развестись ради меня с супругой.

Я не верила ему даже в самые интимные моменты. Емельяну сорок три, и он давно и безнадежно женат. Больше того – боится своей супружницы до дрожи в коленках. Казалось бы, с какой стати? Он при деньгах, со связями и на хорошей должности. Его мадам нигде не работает и ничего собой не представляет. Брось он ее, она ведь по миру пойдет. Во всяком случае, Емельян ей куда нужнее, чем она ему. Но не тут-то было. Супружница себя так поставила, что он – вот ведь старый лысый козел! – состоит у нее на побегушках. Слышала я, каким лебезящим тоном Емеля с ней по телефону разговаривает. А однажды, когда он фланировал вместе со своей дражайшей половиной по улице и увидел меня, то переменялся в лице и затащил женушку в ближайший магазин (между прочим, ювелирный). На что угодно готов, лишь бы при ней со мной не сталкиваться!

Да, идти к Емельяну совершенно не хотелось. Хотя при мысли о нем и его тяжелых волосатых лапищах что-то сладко екнуло у меня внутри. Нет уж, хватит, осадила я себя. Умерла любовь так умерла. Как-нибудь переберюсь и на две несчастные сотни. Пойдем с Максимушкой не в горпарк, а поиграем в дворовой песочнице. И не в кафе-мороженом будем жизнь прожигать, а мамины блины трескать.

В этот момент у меня на столе звякнул городской телефон. Я сняла трубку. Звонил Емельян. Вот прохиндей! Будто угадал, что я в данную минуту *его вопрос* решаю. Голос начальника звучал бархатно-бархатно:

– Лилечка, вы еще не ушли? Зайдите ко мне, пожалуйста.

И то, что Пугачев называл меня на «вы», и его елейный голосок означало, что он в кабинете не один. А это автоматически исключало любые разговоры о деньгах и о сексе – и слава богу! Но, может, в гости к директору спорткомплекса пожаловала налоговая полиция? Или (что еще хуже) его собственная жена? И сейчас между нами начнутся кровавые терки-разборки?

Я быстренько взбежала на второй этаж. Никакой секретарши у моего Емели сроду не водилось, а стучаться к нему я считала ниже своего достоинства. Итак, я распахнула дверь в его кабинет – и обомлела. Емельян был не один. Он мрачной глыбой возвышался за столом – а у окна, с чашечкой кофе, которую держал на весу, стоял Мужчина Моей Мечты.

Я не знала, кто он и как его зовут. Я лишь дважды встретила его в нашем городке минувшей зимой. Один раз – у единственного городского супермаркета: он грузил продукты в багажник иномарки с московскими номерами. Второй раз мы столкнулись в ресторане. Я, правда, была не одна, и совсем другой мужчина поедал меня в тот момент вождедующим взором, однако мы все равно успели переглянуться, и я прочла в глазах незнакомца и любопытство, и интерес, и обещание жарких, навсегда бы изменивших мое тусклое существование ночей...

Этот мужчина действительно выглядел посланцем из другого, лучшего, мира. Среди наших мужиков он выделялся как нездешняя – возможно, райская – птица на фоне воробьев и ворон. Одет неброско, но с иголочки. Красивые нервные руки. Длинные ноги, мускулистая спина и то, что чуть пониже. А этот взгляд! При второй нашей встрече он одарил меня мимолетным взором, и я поняла: задержишь его сумасшедше синие глаза на мне чуть подольше, я растекусь, расплаволюсь, словно пакетик эскимо в июльский полдень...

И вот – он здесь! Снова устремляет на меня взгляд своих поразительных синих глаз! Внутри у меня екнуло, потеплело. Я не могла вымолвить ни слова. Даже не поздоровалась со своим Емельяном. Мне показалось, что голос меня немедленно выдаст.

Тут Пугачев недовольно прогудел из своего кресла:

– Вот, Лиля Батьковна, пришли по вашу душу.

На миг перед моим мысленным взором возникла невозможнейшая и прекрасная картина: Он после тех наших случайных встреч влюбился в меня. Он искал меня два месяца. Повсюду. И вот наконец нашел и сейчас бросится к моим ногам. Потом мы выйдем с ним из пугачевского кабинета, он возьмет меня за руку и признается в любви...

Ах, то было лишь пустое мечтание, потому что мой принц обратился ко мне вежливо, но совершенно нейтрально:

– Добрый вечер, Лиля.

Его голос звучал восхитительно, но деловой тон не оставлял мне никаких надежд на немедленную сказку. Я совладала с собой и сумела-таки довольно холодно кивнуть незнакомцу:

– Здравствуйте, не имею чести вас знать...

– Это Константин Сергеич, – немедленно пояснил Емельян. – Он начальник отдела кадров санатория «Ариадна».

Так вот почему я видела моего принца в нашем городе! И вот почему лишь мельком. Значит, он работает в «Ариадне»!

У нас об этом месте ходила дурная слава. Санаторий, расположенный в прекрасном сосновом бору в пятнадцати километрах от городка, был построен и оснащен по последнему слову техники. Туда приезжали и из Питера, и из Москвы, и даже из-за границы. Цены на путевки кусались, поэтому ни один из жителей нашего города (кроме разве что элиты – мэра, его заместителей и директора комбината) не мог себе позволить там отдыхать. Наши горожане в «Ариадне» *работали*: горничными, кастеляншами, поварами, а те, кому совсем уж повезло, тренерами, массажистами и косметологами. Через них и распространялись в

городке удивительные слухи об элитном местечке. Отдыхали там в основном женщины. Без мужей. В возрасте от двадцати пяти до пятидесяти. И наши досужие сплетницы утверждали, будто в санаторий выписывают стриптизеров из Москвы и устраивают оргии. Еще рассказывали, что лечатся там супруги и любовницы олигархов, подсевшие на наркоту. И будто там есть особая программа для желающих похудеть – клиентки и по двадцать, и даже по тридцать килограммов сбрасывают всего-то за месяц.

Еще, по слухам, в начале зимы в «Ариадне» померла одна постоялица. А в феврале дуба дала другая. Милиция даже проводила следствие, но никакого криминала, как водится, не нашла.

Эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове – а Константин Сергеич (нет, Костя!) смотрел на меня в упор своими огромными, цвета весеннего неба, глазами, и я подумала, что мне совершенно наплевать, где он работает. Пусть хоть в свите графа Дракулы.

Мой же Емельян снова пробурчал, переходя на «ты»:

– У Константина Сергеевича есть до тебя, Лиля, деловое предложение. Садись давай, в ногах правды нет.

Я уселась на кресло для посетителей, а Константин продолжал обволакивать меня взглядом, и от этого мне казалось, что все происходит во сне, а в груди и под ложечкой расплывалось что-то жаркое. Между тем визитер начал говорить, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы сосредоточиться.

– ...рекомендовали вас, Лиля, – донесся до меня его голос, – как тренера по фитнесу. У нас, в санатории «Ариадна», как раз освободилась данная вакансия. Поэтому я по поручению нашего директора предлагаю вам ее занять.

Из его слов я поняла только одно: я буду целыми днями находиться где-то неподалеку от Кости – а, может, и непосредственно рядом с ним, поэтому чуть не воскликнула: «Да, я согласна!» И лишь колоссальным усилием воли смогла собраться и выдать из себя по возможности сухим тоном:

– А каковы условия?

Мужчина моей мечты стал рассказывать. Условия были поистине царскими. (Не говоря уж о присутствии рядом принца). Зарплата – ровно в пять раз больше, чем я получала у Емельяна. Питание трехразовое, бесплатное – в санаторской столовой за счет заведения. Проживание – опять же бесплатное – на территории «Ариадны», в отдельной комнате со всеми удобствами. Бесплатные бассейн и солярий, а другие процедуры, от маникюра до шоколадных обертываний, – со скидкой двадцать процентов. Восемь выходных в месяц, плавающий график.

– Вот только, – долетели до меня слова Константина, – сыночка вашего взять с собой не получится. Вам найдется, с кем его оставить?

Ах, он и про Максимушку прознал! Это плохо. Во всяком случае, очень и очень преждевременно.

– Думаю, я смогу устроиться, – сухо ответила я.

– Значит, вы согласны? – спросил Константин.

– А Емельян Петрович не против? – я бросила взгляд на своего директора и бывшего (теперь уж бесповоротно!) любовника.

– Конечно, мне жаль тебя терять, Лиля, – прогудел Пугачев. – Но, как говорится, каждый работник должен стремиться к своему потолку. Поэтому я просто не имею права тебя задерживать.

– Когда мне надо приступать к работе? – осторожно спросила я Константина (и опять обожгла свой взгляд о его красоту).

– В понедельник, – отозвался он. – Вот, кстати, – Константин залез во внутренний карман своего пиджака и выудил оттуда конверт, – это вам подъемные. В счет первой зарплаты.

Я взяла конверт, заглянула в него и увидела две восхитительно новые красные пятитысячные купюры. Оглянулась на Пугачева. Он кивнул мне: дескать, бери, пока дают. А мой новый работодатель продолжал:

– За аванс распишетесь в бухгалтерии в понедельник, когда придете к нам на работу. В девять утра инструктаж, поэтому рекомендую вам из города выехать автобусом в семь тридцать пять. Итак, мы договорились? – закончил мой принц.

Я кивнула. Я не могла не согласиться.

– А теперь иди, Лиля, – пробасил Емельян. – Я тебе трудовую и все документы подготовлю. Зайдешь ко мне сюда в воскресенье.

Я встала, ошеломленно пропела «до свиданья» и вышла из кабинета.

Итак, в буквальном смысле в одночасье моя жизнь круто переменялась. Во-первых, у меня не было ни гроша (то есть имелось в кошельке двести рублей), а теперь возник алтын – десять тысяч. Значит, мы с Максимушкой сможем позволить себе в выходные все, что только захотим. Во-вторых, я иду на новую работу, да еще с зарплатой в пять раз больше прежней. В-третьих, сама собой рвется связь с бесперспективным любовником Емельяном. (Почему, кстати говоря, он меня столь безропотно отпустил?) И наконец, я познакомилась с мужчиной, в которого, кажется, уже была влюблена. И которого стоит добиваться. И я буду жить и работать в непосредственной от него близости.

Да, целый ворох приятных изменений! Для обыденного вечера в канун уикэнда этого хватит с головой.

Я почувствовала кураж. Мне сразу захотелось большего.

...В коридоре второго этажа я выглянула в окно. Клубная стоянка, освещаемая прожектором, была почти пуста. На ней стояли всего две машины. Одна, черная «Волга», принадлежала директору. Вторая, иномарка со столичным номером, – несомненно, Константину.

Я приготовилась ждать.

Мой опыт – не такой уж большой, как хотелось бы – подсказывал мне: можно сколько угодно обмирать от любви, но когда приходит пора действовать, поступать надо расчетливо и с трезвой головой. Ни одна львица не поймает добычу, если взгляд ее затуманен, а в душе разливаются соловьи. Ни одна женщина не покорит своего мужчину, если будет лишь краснеть и бросать на него робкие взоры.

Я ждала недолго. Через полчаса Константин вышел. Мне повезло: Емельян не стал провожать его до машины. Беззаботно помахивая портфелем, объект моей охоты направился к иномарке.

Я выбежала из укрытия и появилась на крыльце, когда Костя открывал дверь своего лимузина. Не обращая на него ни малейшего внимания, я деловито направилась к калитке. К счастью, начал накрапывать дождь.

– Эй, – окликнул меня новый знакомый, – вас подвезти?

Я повернулась к нему, словно только его заметила.

– Я не «эй», а Лилия и живу в Березовке, – предупредила я. Березовкой назывался спальный район нашего городка, застроенный в основном пятиэтажками.

Константин пожал плечами.

– Тогда будете показывать дорогу, – равнодушно молвил он.

Он открыл передо мной дверцу авто и помог усесться на переднее пассажирское сиденье. Галантность добавила ему несколько дополнительных очков. Костя сел за руль и рванул с места. Выехал на дорогу и бросил:

– Куда?

– Налево и все время прямо.

В машине было тепло, кресло уютно обволакивало тело, а стереомузыка – душу. Дворники смахивали с лобового стекла капли дождя. Давненько я не ездила на иномарках.

– Как вы меня нашли? – спросила я.

– Я нахожу вас довольно симпатичной, – засмеялся Константин, расщедрившись на подобие комплимента. Я улыбнулась, показывая, что оценила его шутку, и переформулировала вопрос:

– Почему вы решили пригласить именно меня?

– Хорошие отзывы клиентов, – коротко бросил он и замолчал. Пока наш разговор не выходил из делового русла. Поэтому я спросила о том, что меня действительно интересовало:

– Почему Емельян меня так легко отпустил?

– А вы предпочитаете, чтобы мы из-за вас подрались? – хмыкнул Костя.

– Нет, но он мог бы меня не отпускать. Ставить палки в колеса. Хотя бы заставить отрабатывать две недели.

– Я сумел вашего бывшего начальника заинтересовать, – коротко пояснил мой работодатель.

– Вы намекаете... что заплатили ему? – изумленно выдохнула я.

Константин промолчал. Но я не отставала:

– Выкупили меня у него, как крепостную душу?

– Примерно так, – сдался собеседник.

Мне это не понравилось. Настроение испортилось. Будем надеяться, Емеля не похвастался Константину о своих надо мной победах. И прекрасный незнакомец не сочтет, что я легкодоступна.

Дальше ехали молча. Константин бесстрастно крутил руль. И даже не пытался меня очаровывать. Хвастаться. Говорить комплименты. Неужели я ему совсем не интересна?.. Или он – столичная звезда – просто считает ниже своего достоинства снисходить до скромного провинциального тренера по шейпингу?

Вскоре мы подрулили к моему дому. Константин выключил двигатель, однако выйти из машины мне помогать не стал. Я выдержала приличную паузу, чтобы он успел проявить галантность, не дождалась, сама распахнула дверцу и сказала:

– До свидания. Спасибо, что подвезли.

– Не опаздывайте в понедельник, – буркнул он и умчался. Я осталась у своего подъезда, дверь которого была сорвана с петель и стояла прислоненной к стене.

Тормозные огни прощально мигнули, когда машина вырulingалась на улицу. Первый приступ крепости по имени Константин закончился неудачей.

Но не слишком ли многого я хочу для первого вечера?

У меня, надеюсь, еще будет время.

Домой идти не хотелось. Я присела на лавочку. Достала сигареты. Посмотрела в бездонное весеннее небо... Стоял чудесный, очень теплый вечер. Деловито чирикали воробьи. На детской площадке тусуются подростки – девчонки сплошь в мини улыбаются своим хахалям, хлеблют из жестяных банок джин с тоником. Такие молодые, наивные. И все, как одна, ждут большую чистую любовь.

...Я тоже лет с пятнадцати мечтала о сумасшедшей, дико красивой любви. Однако своего принца ждала долго. Когда он возник на моем пути, мне стукнуло двадцать.

Тогда тоже была весна. Синее высокое небо, кругом цвела сирень, блестели лужи после первой в году грозы. Я радовалась, что можно наконец скинуть тяжелые ботинки, вспенивать лужи острыми десятиметровыми каблучками, вдыхать одуряющий запах молодых листьев и травы, ловить на себе взгляды мужчин, очнувшихся от зимней спячки.

На радостях, что небо наконец-то не свинцовое, как зимой, а ярко-синее, на улице тепло и совсем скоро настанет лето, мы с подругой Машкой отправились в «Аист» – в те времена единственный в нашем городке ресторан. В подобных заведениях мы бывали редко. С наших

зарплата (подруга работала медсестрой, а я упаковщицей на местном комбинате) по кабакам особо не находишься. Да и народ там собирался известный: джигиты с рынка, городские бандюги, а также редкие зашуганные командированные.

Но совсем без ресторанов жить скучно, правда?.. И в тот день мы решились – очень уж не хотелось грустить в наших (ее, моей – какая разница?!) крохотных, убого обставленных кухоньках. Душа просила чего-то яркого. Свежего. Красивого...

Мы с Машкой уселись за столик у окна. Заказали по коктейлю. Закурили. Оркестр, как по заказу, заиграл модную в тот год «Ветер с моря дул».

«Ветер с моря дул...» От этой песни мне сразу стало тоскливо. Потому что представились безбрежная синяя гладь, и бесконечные песочные пляжи, и экзотические коктейли, и бесшабашная радость, когда кидаешься в теплую воду... Но до моря было двое суток на поезде, да и не ездил туда никто из нашего городка. У нас все отдыхали на речке, и всем было плевать, что там комары, а вода мутная и холодная. Никто из моих знакомых даже и не мечтал о соленых брызгах и яхте с белоснежными парусами. А я мечтала – но никому не рассказывала. Все равно из городка никуда не вырваться. И весь мой мир – это скучная работа, дом и редкие-редкие визиты в ресторан, где можно выпить коктейль, послушать музыку. И представить, будто для меня играет не вечно поддатый ресторанный ансамбль, а красивые, с тонкими пальцами мулаты...

Из мечтаний меня выдернула Машка. Прошептала в ухо:

– Смотри, вон твой Колька пришел!

Я едва не застонала.

Колька в нашем городке считался завидным женихом. У него все было: своя квартира, «Жигули»-«девятка» и престижная работа в автосервисе. И на лицо нормальный – не Бельмондо, конечно, но хоть не кривой, не косой. Мозгов только не доставало. Колян все больше молчал, а если говорил, то исключительно про гаечные ключи, карданные валы и прочие железки. Зато не судим, пьет в меру, матери помогает... В нашей Кирсановке этого было достаточно.

Колька в последнее время положил на меня глаз. Встречая на улице, постоянно притормаживал свою «девятку». Звал составить компанию на речку, на Восьмое марта вручил бутылку «Мартини». Подружки дружным хором кричали: «Бери!» А у меня от одного взгляда на ладного хозяйственного Кольку от скуки сводило скулы. Да и дружки его бесили – такие же помешанные на железках и пиве обезьяны.

И вот, как назло, даже в ресторане нет от него покоя.

Ансамбль заиграл что-то медленное.

Колька, конечно, тут же кинулся ко мне, широко улыбнулся (я автоматически отметила, что верхнего резца в его рту не хватает), пробасил:

– Потанцуем, Лилечка?

Машка завистливо вздохнула, а я едва не заплакала.

«Ты мне не нужен!» – чуть не выкрикнула я. Прежде мы с Колькой танцевали от силы пару раз, но мне и того хватило. Этот медведь всегда ноги оттапывал. Да еще обожал прижаться покрепче и поглаживать мне спину, а я терпеть этого не могу – аж передергивало от отвращения.

Но Колькина свита – четверо уже сильно поддатеньких парней – внимательно наблюдала за нами, и я поняла, что отказываться нельзя, Колька не простит, если я опозорю его в глазах товарищей.

Я неохотно кивнула:

– Ладно.

И встала.

Колька весь танец нес мне в ухо бесконечную пургу, что они с пацанами хотят выкупить у хозяина автосервис, и что завтра он едет в область за особой гоночной резиной для своей «девятки», и что у какого-то его приятеля за пьянку отобрали права...

Я еле его слушала и за Колькиной спиной бросала на оставшуюся за столиком Машку тоскливые взгляды.

И тут дверь распахнулась – и в ресторан вошел ОН. Один в один такой, о каком я мечтала чуть не с седьмого класса. Высокий. Мускулистый. Глаза темно-зеленые, будто море в сильный шторм. Он чуть притормозил на пороге, его взгляд рассеянно побродил по кафе, упал на меня – и я прочитала в его глазах: он, как и я, любит море. И жаркое тропическое солнце. И раскаленный песок. И яхты. Но только он, в отличие от меня, бывал в теплых краях неоднократно. И в этих поездках его, конечно, сопровождали другие (в отличие от меня, загорелые и беспечные) девушки...

«Ну, уж нет! – пронеслось у меня. – Теперь я тебя не отпущу!»

Но только незнакомец больше не обращал на меня внимания. Он проследовал к стойке бара, заказал себе французский коньяк и повернулся ко мне спиной.

Наш с Колькой танец, к счастью, закончился. Я решительно отвергла все его «давайте, девчонки, пересаживайтесь к нам, шампусик возьмем» и пулей бросилась к столику, где меня дожидалась Машка. Она, конечно, тоже заметила зеленоглазого. И, едва я села, стрельнула в его сторону глазами и шепнула мне в ухо:

– Кто это?

– Не знаю... – пробормотала я.

Хотя прекрасный мужчина теперь сидел ко мне спиной, я все равно никак не могла отвести взгляда от его сильных плеч и черных волос, небрежно встрепанных весенним ветром.

Он не смотрел на меня. Он пил коньяк, поглядывал на часы и, похоже, спешил. Я понимала, что если сейчас, немедленно, я не придумаю способ, как его задержать, значит, вся моя жизнь пройдет зря... Идти что замуж за хозяйственного Кольку, что в петлю – все едино. Может быть, мне просто встать, подойти к незнакомцу? Попросить сигарету, задать какой-нибудь ничего не значащий вопрос? Но я интуитивно чувствовала: такая инициатива может моему принцу не понравиться. Я видела: он явно из тех, кто привык сам принимать решения и сам выбирать себе девушек.

Если я ему с первого взгляда не понравлюсь – никакие заигрывания не помогут.

Может, отправить к нему Машку? Пусть хотя бы разведает, кто он такой и надолго ли пожаловал к нам в Кирсановку.

В этот момент музыка стихла, и в наступившей тишине я вдруг услышала:

– А парень-то борзый. И куртешка понтовая.

Слова донеслись из-за того столика, где сидел Колька со своими прихлебателями.

Им явно не понравился незнакомец, и я понимала чем. Тот был слишком высок, во всех смыслах, нежели они. Слишком дорого одет. Слишком в себе уверен. И слишком небрежно заказал самый дорогий из всех имеющихся коньяк. А может, друзья Коли просто заметили, каким взглядом на него смотрю я...

Тут вдруг зеленоглазый встал. Прошел мимо нашего столика, снова взглянул на меня... и направился к ансамблю. Что-то прошептал в ухо певцу, и я услышала:

– Эта композиция звучит для самой прекрасной девушки в мире.

Ансамбль заиграл «Леди ин ред». Незнакомец стремительным шагом подошел к нашему столику и протянул мне руку:

– Пошли?

Я успела перехватить полный недоумения и обиды Колькин взгляд. И вложила свою ладонь в сильную ладонь незнакомца. По кисти будто разряд тока ударил, и в пыльном

«Аисте» вдруг засияло солнце. Незнакомец прижал меня к себе – крепко, куда уверенней Коляна. В его руках было надежно, спокойно и сумасшедше сладко. Я склонила голову ему на плечо и услышала:

– Поедешь со мной на море?

И едва не закричала: «Да! Да! Да!» Значит, он почувствовал! Он догадался, что море – это мечта всей моей жизни!

Но вслух я пробормотала:

– Какое море? Мы ведь даже еще не познакомились.

– Разве это так сложно? – умехнулся он. – Я – Юра. А ты – девушка, которую я искал всю жизнь. Я хочу увезти тебя далеко-далеко. И показать тебе закат на пляже. Знаешь, как красиво, когда солнце садится прямо в воду?!

...Он правда приехал откуда-то из другого мира. Потому что от наших парней всегда несло пивом, потом и туалетной водой с рынка. А от Юры пахло солнцем. И свежей морской водой.

Я не нашлась, что ответить. Только смотрела, не могла наглядеться, в его зеленые, напитанные морем, глаза. А он тем временем произнес:

– Только единственное условие. Ты больше не будешь курить. Договорились?

Я любила курить, а когда Коляныч ругался на курящих девушек, лишь смеялась. Но сейчас кивнула:

– Как скажешь!

Неужели мы с ним правда окажемся на море? И он сможет вложить всю его мощь, всю силу стихии в свои поцелуи?.. А пока – я просто склонилась к его сильному плечу, и мы заскользили по истертому линолеуму под звуки музыки, и закат, который был виден сквозь пыльное окно, удивительно напоминал вечер на берегу океана.

Едва музыка стихла, к нам подошел Колян. За его спиной маячили четверо из его свиты.

– Лиля. Иди на место, – хмуро велел он мне. – А мы с тобой, – это уже Юре, – пойдем выйдем. Поговорить надо.

– Ты чего тут раскомандовался? – возмутилась я.

И неожиданно услышала, как Юра твердо сказал:

– Он прав. Подожди меня тут.

– Девушка подождет. Только не тебя, – хмыкнул Колян.

И они всей толпой вывалили на улицу.

– Похоже, копец твоему красавцу, – злорадно выдохнула Машка.

Машка – девчонка нормальная, но всегда завидует, что ко мне клеятся куда более симпатичные мужчины, чем к ней.

Мое сердце сковал холод. Нет, Колька, конечно, не каратист. И прихлебатели его тоже самые обычные парни. Но Юре одному против пятерых ловить все равно нечего.

– Может, в милицию позвонить? – безнадежно предложила я.

Машка только фыркнула. Милиция у нас в городке всегда приезжает на происшествия ровно через час. А если вдруг по какому-то счастливому случаю появится раньше, все равно будет на стороне Коляна с его парнями. Юрик – чужой, те – местные. Тем более что приезжий Колю, получается, оскорбил. Колька ведь искренне считает, что я – его девушка.

– Дай сигарету, – потребовала я у Машки.

Та молча достала из сумочки пачку, хотя совсем недавно врала, что сигареты у нее кончились.

Я закурила. Весенний день за окном померк. Все мечты о море и о красивой, страстной любви теперь казались глупыми и детскими. Парни, конечно, не убьют Юру. Но после сегодняшнего разговора он, совершенно точно, больше никогда не решится ко мне приблизиться...

На глазах выступили слезы, я раздавила в пепельнице сигарету – и вдруг снова увидела ослепительно зеленые глаза. Стройную фигуру. Мускулистые плечи. И встретила укоризненный взгляд:

– Лиля! Ты ведь обещала, что больше курить не будешь!

Я в изумлении смотрела на него – веселого, чуть насмешливого. Прекрасного. И пробормотала:

– А где Колька?

– Он тебя больше не побеспокоит, – твердо произнес Юрий. – Пошли.

Машка уже прилепилась к окну, где Колька и пацаны, матерясь, пытались подняться и стереть с лиц кровь.

Юрий протянул мне руку.

Я поспешно встала.

Назавтра мы улетели на море.

...Все было так красиво. Юрка: прекрасный, сильный, сексуальный. Я: совсем молодая, стройная. Мы оба – горячие, как песок на морском берегу. Я думала, это на всю жизнь. Однако наше счастье длилось всего четыре года. А потом я забеременела. И вместо предложения руки и сердца услышала жестокие слова. Что ребенок ему, Юре, не нужен. И не будет нужен никогда. И если я, как все нормальные девчонки, сделаю аборт – то наши отношения смогут продолжаться как ни в чем не бывало...

Я плакала два дня. На третий слезы иссякли, я просто сидела у окна, бездумно глядя вниз. И даже курить не могла – от сигарет тошнило. А на четвертый день поняла, что убить своего малыша я не смогу. Ни при каких обстоятельствах.

– Ты ненормальная, – только и сказал Юрик, когда узнал о моем решении.

И стал собирать вещи.

О нем теперь напоминают лишь ослепительно-зеленые, словно море в шторм, глаза моего Максимки.

...Первый год после Юркиного предательства мне ничего не хотелось. Я жила, словно в тумане. Беременность, рождение сына, безденежье, постоянные хлопоты, бессонные ночи... Но время шло, Максимка подрастал, рана затягивалась. И в какой-то момент я снова начала мечтать о любви. Красивой. Сильной. Страстной. Не верила, правда, что мне удастся ее встретить. Считала, что на мой век Господь уже все отмерил, а сейчас моя задача – просто жить, воспитывать Максимку, помогать маме...

Но теперь, после встречи с Костей, я уверилась, что не все в душе умерло. Что любовь по-прежнему существует. И что Константин, возможно, и есть тот человек, кого я так долго искала.

Бэла

Я всегда была вполне довольна собой. Далеко не красавица, конечно, и не стройняшка, и не нахалка, которой все в жизни удастся с полпинка. Но ведь мир полон таких обычных девчонок. Я счастливо, без единого комплекса, прожила бы со своими лишними килограммами и скромным характером хоть до пенсии. Но все испортил отец...

Собственно, юридически отца у меня нет. В свидетельстве о рождении прочерк, фамилия мамина, отчество взято с потолка. Многие дети в такой ситуации переживают и изводят родных вопросом: «Где мой папа?» Но в нашей семье никто (ни бабушка, ни мама, ни я сама) от моего безотцовства никогда не страдал. У нас в семье вообще мужчины не приживались. Прабабушка, правда, замужем побывала – но потеряла супруга во время медового месяца. Тот погиб, едва началась Великая Отечественная, во время бомбежки. Только и успел – ребеночка ей сделать.

А бабушка с мамой даже замуж выходить не трудились.

Бабуля привезла ребенка с целины. Случился у нее в тамошних горячих степях не менее горячий, но очень краткосрочный роман...

Ну, и мама тоже вполне выдержала семейную традицию: на втором курсе университета отправилась в студенческий лагерь. Море, солнце, вино, пустынные пляжи... Робкие, интеллигентные объятия сокурсников ее не привлекли – если уж любить, решила маман, так короля. А королем на их студенческой дискотеке был какой-то местный, загорелый, с наглыми глазами и с собственной моторной лодкой, раздолбай. И по семейному сценарию – жаркая любовь, восторженная второкурсница отдает своему богу все... А дальше каникулы заканчиваются, она возвращается в Москву и узнает, что беременна. И королек ее провинциальный, конечно, сему известию совсем не рад. Замуж (несмотря на перспективу столичной прописки!) не зовет, а от ребенка предлагает избавиться.

Мама это предложение в гневе отвергает. Не потому, правда, что очень уж хотела в несерьезные восемнадцать лет нянчить дите, просто в нашей семье беременность прерывать не принято. Какая-то двоюродная то ли бабка, то ли тетка от этого дела в свое время получила заражение крови и на тот свет отправилась, хотя оперировало ее суперизвестное светило... Ее трагическая гибель в семейном подсознании засела накрепко. Вот с тех пор все и рожают, независимо от наличия мужей: бабушка после своего приключения на целине... Мама – вернувшись из студенческого лагеря...

– Да и ты, Бэлка, наверняка без отца родишь, – пугает меня бабуля.

И я каждый раз вздрагиваю, потому что совсем не хочу повторять семейный сценарий. Я, конечно, не уверена, что найду мужа при своей заурядной внешности и скромном материальном положении, но рожать ребенка без отца и всю жизнь с ним мыкаться тоже не буду. Я, безусловно, очень уважаю свою бабулю – которая одна, без всякой поддержки, подняла, воспитала и выучила мою маман. Да и мамуля тоже не подкачала: без всяких академок, с ребенком на руках, закончила университет, тут же пошла работать, к тридцати пяти дослужилась до собственной квартиры, в тридцать семь – смогла купить машину. Они молодцы, они настоящие русские женщины. Такими гордится страна: коня на скаку остановят, в горящую избу войдут. Только я мечтаю, чтобы коней останавливал и в горящую избу входил кто-нибудь другой. Чтобы *мужскую работу* ради меня делал сильный, мужественный, надежный мужчина. Чтобы он зарабатывал деньги, возил меня на машине и открывал передо мной дверцу, и наливал шампанское в бокал, и дарил шубы, а если меха ему не по карману, то хотя бы цветы... Ведь шутка сказать: у нас в доме даже на Восьмое марта почти никогда цветов не было, жалкая дежурная мимозка, что вручали маме на работе, разумеется, не в счет.

Но мужчины у меня нет. Не то что богатого и надежного – вообще никакого. В институте были одни девчонки, на работе тоже коллектив абсолютно женский, а на автобусных остановках или в метро ко мне, если и клеятся, то совсем уж жалкие типы. Зачем мне такие? Тем более что я хоть краешком глаза, но успела заглянуть в совсем иную, красивую жизнь.

Завесу над ней для меня приоткрыл отец.

Отец, папа... Странная с ним история приключилась. Очень долго я вообще не ведала: где он, что с ним стало... Мама (с какой-то даже гордостью) говорила, тот вообще о моем рождении не ведает. Она ему не сообщила, что родилась дочь, рост 49, вес 3400. Но, оказалось, отец обо мне знал. И однажды ворвался в мою жизнь.

Когда мне было пятнадцать, возле школы меня подкараулил мужик. В тот момент голос крови мне ничего не подсказал. Я, конечно, далеко не красавица, но отца своего почему-то представляла роскошным, достойным, уверенным в себе мужчиной. А тут подкатывает ко мне унылый тип. Уставший, блеклый, в темной шевелюре явственно проступает седина. И куртешка обтерханная, и прибыл явно не на «мерсе», а своими ногами. И когда он вдруг завел, абсолютно неожиданно для меня, шарманку: «Ох, доча, неужели это ты?!», я едва не кинулась обратно в школу – жаловаться стерегущему вход охраннику, что ко мне какой-то маньяк пристает.

Но мы все-таки разобрались. Он показал документы, стал рассказывать про студенческий лагерь и про их, с моей мамой, сумасшедший роман. Все вроде сходилось, и на злодея, завлекающего меня в сети, мужик не тянул. Я ему поверила. Даже отвела новоявленного отца домой и предъявила мамуле. Та тоже его признала. Сразу. Но с каким же неподражаемо снисходительно-презрительным выражением обронила:

– Да, Иван. Ты постарел...

Потом мы вместе пили чай и ели скромненький, принесенный отцом торт. Разговор не клеился, гостю явно было неудобно, он ерзал и все никак не мог пристроить свои длинные стройные (тут я совсем не в него) ноги. А бабушка – та даже к столу не села. Стояла, опершись спиной о подоконник, и буравила моего отца презрительным взглядом. А едва тот обронил, что в Москву приехал всего на три дня и в гостиницу еще не устраивался, безапелляционно отрезала:

– Ну, уж тут вам точно не гостиница.

И я – едва ли не впервые в своей жизни – увидела, как краснеют взрослые (даже не просто взрослые, а старые!) мужчины.

Неудивительно, что больше мой отец нас не навещал. И не звонил.

Я закончила школу, со второй попытки поступила в институт – к сожалению, не на университетский филфак, как мечтала, а всего лишь в педагогический. Закончила его, поработала годик по специальности, указанной в дипломе – то есть в школе училкой младших классов, – и с позором оттуда сбежала. Долго мыкалась, пыталась устроиться то переводчиком, то даже менеджером по рекламе. А когда мне исполнилось двадцать шесть, наконец нашла свою нишу. Удалось счастливо применить и характер (спокойный, без особых карьерных мечтаний), и образование (педагогическое), и то, что я иностранным языком неплохо владею (английским меня чуть не с пеленок третиговала все та же бабуля).

Я устроилась педагогом-воспитателем в частный детский сад. Вы, конечно, можете сморщить нос, и я с вами частично соглашусь. Не самая престижная должность, на визитной карточке ее золотыми буквами не напечатаешь. Но только с обычными детскими садами – из тех, что во дворах спальных микрорайонов – мой садик ничего общего не имел. Те муниципалитет финансирует – а нашим владели капиталисты. И предназначался он тоже для детей капиталистов. Располагался в ближнем Подмосковье, в огромном, полторы тысячи квадратных метров, особняке. Роскошная отделка, множество игровых комнат, крытый бассейн, во дворе – шикарная детская площадка, теннисный корт и полигончик для электромобилей.

Месяц посещений сего райского места стоил нереально дорого, соответственно, и публика, сдающая сюда своих отпрысков, была чрезвычайно серьезная. Детей привозили сплошь шоферы в аккуратных костюмчиках, а если жаловали сами родители – от них в буквальном смысле деньгами пахло. Свежими, только что отпечатанными, обязательно крупными купюрами. Наши нянечки и тетушки с кухни, если случайно с родителями сталкивались, всегда глаза опускали до полу. А я (хоть и холодело частенько в груди) всегда старалась общаться с ними на равных:

– Добрый день, Михаил Дмитриевич. Хочу рассказать про вашего Петю. Он, безусловно, молодец, все на лету схватывает, и стихи запоминает быстрее всех в группе. А вот с горшком по-прежнему проблемы. Вы уж возьмите этот вопрос под личный контроль, ладно?

И Михаил Дмитриевич, в дорогушем, пошитом на заказ костюме, смущался, и опускал глаза, и виновато лепетал, что обязательно примет меры и что взрослому парню (в следующем месяце будет целых два с половиной года!), конечно, не положено справлять малую нужду в штанишки.

– Ты молодец, Бэлка, – восхищались коллеги. – Как с ними строго!

Но только что с того? Мои рассказы про поведение чад отцы выслушивали внимательно, но смотрели на меня совсем не как на женщину, а как на обслуживающий добросовестный и квалифицированный персонал.

В общем, проработав в саду больше года, я к олигархам привыкла, но в их круг не вошла. Лишь единственный раз явление очередного богача в очередном дорогушем костюме повергло меня в ступор.

Однажды в наш детский садик явился... мой отец. Но боже, до чего же он изменился!

Тогда, при первой нашей встрече – двенадцать лет назад, – в памяти осталось: неуверенный в себе, несчастный, неустроенный человек, в котором вдруг (запоздало!) проснулась отцовская любовь. Впрочем, бабушка возмущенно говорила: «Да какая там любовь! Просто к московской квартире прибиться захотел!»

Сейчас же достаточно было единственного взгляда, чтобы понять: наша с мамой и бабушкой малогабаритная «двушка» в непрестижном столичном районе Люблино вызовет у этого мужчины лишь насмешку. Начать с того, что в садик он приехал (я подсмотрела на гостевой парковке) на «Роллс-Ройсе». Я не очень, конечно, разбираюсь в ценах на недвижимость, но, думаю, нашу квартирку поменять на такую машину не получится – автомобиль выйдет куда дороже. Да и весь вид отца (элегантные золотые часы, идеальная металлокерамика зубов, нарочито скромно-строгий костюм) не говорил, а кричал: «Я – богат! Я – успешен! Я состоялся!»

И в голове моей пронеслось: до чего несправедлива жизнь! Ведь мы оба – и он, и я – прожили, не видя друг друга, двенадцать лет. Я за это время всего лишь закончила школу, институт да с огромным трудом нашла более-менее приличную работу. (Впрочем, сейчас, глядя на отца, я понимала, сколь жалко мое нынешнее положение в сравнении с его тысячами.) А он, он... Из обтерханного, неустроенного мужичка обратился в экую птицу!

Отец меня тоже сразу узнал. Глаза блеснули, пальцы нервно хрустнули. Но голос остался бесстрастным:

– Неужели Бэла?..

– Да, – склонила я голову. И с трудом вытолкнула из себя такую непривычную фразу: – Здравствуй... папа.

Дело происходило во дворе. Малышня из моей группы с азартом осваивала новую извилистую, как в аквапарках, горку, и, разговаривая с отцом, я не сводила со своих подопечных глаз. Понятно, конечно, что все безопасно, покрытие пластиковое, лесенка с высокими перилами, да еще и специальный инструктор по спорту рядом, но дети есть дети.

Даже в обычных садиках родители из-за малейшего синяка скандал устраивают – а здешняя элита, как говорит наша директор, и пристрелить может.

– Значит, ты здесь воспитатель! – продолжал отец. – Ну, да! Мне же сказали: имя у вашей воспитательницы необычное Изабель Николаевна! Как я сразу не догадался!

По его лицу мелькнула и быстро растаяла улыбка. Ну, к такой реакции я привыкла. Мое французское имя в сочетании со вполне русским отчеством всегда вызывало насмешки. Сколько я натерпелась из-за него (дурацкая мамина задумка – назвать дочь в честь актрисы Изабель Юппер), что в раннем детстве, что в школе!

А мужчина (нет, называть его «папой» у меня язык больше не повернется) сказал:

– Значит... вот ирония судьбы... мой Макар будет в твой группе!

Его глаза метнулись в глубь двора, к площадке, где стояли электромобили. В одном из них – самом огромном «джипе» – важно восседал курчавый, на вид лет трех мальчишка.

– Вон он, разбойник, – махнул в его сторону отец.

Снова смерил меня взглядом и констатировал:

– Твой сводный брат. Младше тебя... на двадцать четыре года.

А тут и наша директриса подбежала. Широко заулыбалась отцу – и по размаху ее оскала я поняла: тот действительно важная птица. Начальница наша расточала улыбки строго по ранжиру – от скупой полосочки губ в адрес скромного топ-менеджера до сплошного меда подмосковному губернатору. Представила нас с отцом (вот хохма-то!) друг другу и сообщила, что его сын, маленький Макар Малыгин, действительно зачислен под мое начало.

– Очень рада... – пробормотала я.

А в голове промелькнуло: *мама* Макара ведь формально получается моя мачеха. Интересно, она хотя бы моего возраста? Или младше?

Удивительный все-таки вираж заложила жизнь!

Отец, видно, думал о том же. Потому что, когда директриса отошла, задумчиво произнес:

– А я думал, что наши с тобой пути разошлись навсегда...

Я пожала плечами:

– Они и разошлись. Вы – заказчик (так в нашем саду сотрудники иронически называли родителей), а я – персонал. Буду на вас работать. Точнее, на вашего сына.

И перешла к обычным для родителей новичков вопросам:

– Ему, вы сказали, три года? Расскажите, пожалуйста, что он умеет...

– Потом, – отмахнулся отец. – Лучше скажи: как мама?

В его глазах промелькнули искры явного интереса – я бы даже сказала, былой страсти.

– А что мама? – пожала плечами я. – Все хорошо. Работает.

«Все надеется на хорошую дачу накопить. Панкреатит ее замучил. Поседела вся. И с бабушкой – той уже семьдесят, постоянные болезни, капризы – они каждый день ругаются...»

И в свою очередь произнесла:

– А вы, я смотрю, разбогатели...

Получилось не очень вежливо, но мне вдруг стало обидно. Мама в своей поликлинике на две ставки пашет, и я в этом садике каждый день с восьми до восьми с единственным выходным, и тут вдруг давно забытый отец выплывает. Из новой жизни, на роскошном автомобиле, с новым, явно от молодой красотки-жены, ребенком...

Впрочем, смутить родителя мне не удалось.

– Да. За двенадцать лет многое изменилось, – пожал он плечами. – В прошлый раз, когда мы с тобой встречались, я переживал тяжелые времена. Даже, не скрою, потому приехал, что надеялся у твоей мамы помощи просить...

«Ну, и дурак, что надеялся! – хмыкнула про себя я. – С какой стати ей было тебе помогать – когда ты за пятнадцать лет впервые объявился?!»

Отец же с явным удовольствием продолжал:

– Но проблемы, слава богу, остались в прошлом. Сейчас все наладилось. У меня серьезный, перспективный бизнес...

«Да ладно, серьезный, – мелькнуло у меня, – наворовал небось, а теперь в уважабельного играешь».

И сама себе удивилась. Прежде меня никогда чужие деньги не раздражали. Всегда внушала себе, когда с богатыми клиентами нашего садика общалась: смогли люди себе достойную жизнь обеспечить – значит, молодцы. И завидовать им нечего – только уважать. Но одно дело – посторонние люди, а совсем другое – собственный отец. И в Макаре (одетом, я теперь в этом разбираюсь, в костюмчик из новой коллекции «Дизель») наполовину, как и во мне, его кровь. Однако *обслуживать*, и холить, и оберегать, и тешить мальчика буду я – его старшая сестра. Дочь того же самого человека...

Отец, кажется, понял, что у меня на душе. И решительно произнес:

– Вот что, Бэла. Если ты думаешь, что я снова лишь мелькну в твоей жизни, то ошибаешься. Мы теперь будем общаться.

– А куда вы денетесь, – усмехнулась я. – У нас по правилам садика родители раз в неделю должны с воспитательницей беседовать.

– Ну, для меня ты не совсем воспитательница... – улыбнулся в ответ он. И тут же его глаза похолодели, отец строго добавил: – Хотя здесь, конечно, о наших с тобой родственных связях никто знать не должен, ты поняла?

Внезапно возникшие властные нотки в его голосе не оставляли сомнений: командовал отец давно и успешно. Я, будто кролик, парализованный взглядом удава, поспешно пробормотала:

– Конечно!

– Вот и договорились, – резюмировал он. – В следующее воскресенье приглашаю тебя в гости. У меня дома будет небольшой прием. Я тебя представлю – супруге. Ну, и гостям.

– Не поняла... – Пробормотала я. – Вы меня представите... как кого?

– Как свою дочь, конечно, – пожал он плечами. – Я же сказал: я тебя больше не брошу.

– Но... – опешила я.

Он что, с ума сошел? Его жена наверняка взбесится. Да и Макар (трехлетние детки, если кто не в курсе, уже много чего понимают) явно удивится, с чего это воспитательница из садика вдруг пожаловала к нему домой, да еще на прием. К тому же наверняка вновь обретенный родитель живет в каком-нибудь роскошном особняке, и гости там собираются ему под стать, такие же богатеи, и надеть на подобное мероприятие мне решительно нечего!

Но ничего сказать я не успела. Отец обвел меня внимательным взглядом (и в нем, ей-богу, сквозили и забота, и родительская гордость) и произнес:

– Я буду действительно очень рад показать тебя всем. Вон ты какая выросла: серьезная. Статная.

Сомнительный, конечно, комплимент. Серьезная – наверняка в смысле, что скучная до зубной боли. А под словом «статная» он наверняка имел в виду мои лишние килограммы... Но все равно в моем сердце, в тревожно-радостном ожидании, вдруг кольнуло.

Я, конечно, – во многом под гнетом наших семейных традиций – привыкла жить без отца. И не нуждалась в нем. Не надеялась ни на помощь, ни на наследство. Но, согласитесь, все равно приятно, когда вдруг, неожиданно, находится родной папаня. И оказывается не скромным пенсионером и не каким-нибудь спившимся дегенератом, а шикарным, явно преуспевающим мужчиной. Больше того: он готов ввести тебя в свою новую семью. Предъявить жене и гостям. И может быть (мелькнула не самая типичная для меня меркантильная мысль) он еще и своими богатствами со мной поделится?!

...Так что все оставшиеся до воскресенья дни мои мысли крутились исключительно вокруг грядущего приема.

И вот день X настал. Жил отец – не обманули предчувствия! – действительно в особняке. Ничего оригинального, всего лишь тысячеметровая вилла в поселке на большой воде – где-то по Дмитровскому шоссе.

– Добираться к нам неудобно, но ты не волнуйся, я за тобой машину пришлю.

Однако как я доберусь, меня волновало меньше всего. Беспокоило другое. В тот же вечер после встречи с отцом, когда я наконец в начале десятого оказалась дома, я первым делом ринулась в ванную. Сорвала с себя одежду – и очутилась перед единственным на всю нашу квартиру зеркалом от потолка до пола.

Зрелище мне предстало, увы, не самое жизнеутверждающее. Серьезная – да, тут отец не соврал, вон, даже морщинка между бровей пролегла. А насчет второго его комплимента, что «статная»... Папа еще корректно выразился.

Я всегда, с самого детства, была склонна к полноте. Да еще и бабушка (с которой я вместо садика сидела до школы) постоянно переживала, что я худенькая, и старалась меня откормить. Против каш или там отварных овощей я восставала яростно – а вот от пирогов, что она блистательно пекла, конечно, не отказывалась. А еще бабуля умела делать восхитительные пончики, и «хворост», и шанежки, и заварные пирожные со взбитыми сливками, и хачапури, и нереально вкусный бисквитный торт с орехами... Тут кто угодно не устоит. Так что ребенком я росла, прямо скажем, пухлым. И в школе меня частенько поддразнивали «толстушкой». И в институте я была плотнее всех девчонок в группе. Но там хотя бы обязательная физкультура была, и на каток мы ходили, зимой – в лыжные, летом – в байдарочные походы. А когда учеба закончилась – вместе с ней закончился и весь спорт... Конечно, работай я секретаршей в какой-нибудь престижной западной фирме, как миленькая приобрела бы, за компанию с коллегами абонемент в какую-нибудь «Вселенную фитнеса». И потела бы до работы на тренажерах, а вечерами задирала ноги на аэробике. Но и в школе, где я мимолетно послужила, и в нашем садике фитнес был не в чести. Никто никаким спортом среди коллег не занимался. Да и когда, где время найти? Я уже упоминала, что в садике я работаю с восьми до восьми и добираться мне до работы больше часа...

Вот и получилось, что к своим двадцати семи я накопила двадцать один килограмм лишнего веса – если считать по французской формуле красоты, рост минус сто десять. Моя пышная фигура по душе, кажется, только гостям с Востока – те мне вслед частенько языками цокают. Но как ко мне отнесутся на великосветском приеме? Тем более что и одеться, как подобает в высших кругах, у меня явно не получится. С богатеями, пусть и мельком, я в своем садике общаюсь давно и уже успела усвоить: они только на первый взгляд ведут себя и выглядят демократично. Является какая-нибудь мамаша из крутых – вроде бы в скромных джинсиках, однотонной футболке, скучных ботиночках... Гимназистка, да и только. А потом такие же штанишки встречаешь на манекене в витрине бутика в Третьяковском проезде. И сопровождаются они ценником, где впору в нулях запутаться.

Так что я почти не сомневалась: мое вполне элегантное платье (но всего лишь из скромного магазина «Манго») никого в заблуждение не введет. Опытный глаз мигом раскусит, что и шелк – искусственный, и фасон – позапрошлого года. Босоножки, правда, выглядят эффектней – почти как «Маноло Бланик». Но, в отличие от настоящего «Бланика», натирают нещадно. А про украшения, крошечные серьги-гвоздики и простецкую золотую цепочку, и говорить нечего...

Бабушка, правда, утверждает, что одежда – не главное, было бы в наличии душевное богатство. Тут мне действительно есть чем похвастать. Образование имеется, английский знаю и беседу в состоянии поддержать – особенно, если речь пойдет о серьезных книгах или театральных постановках, а уж про раннее развитие малышей, свой конек, могу и вовсе

говорить часами. Но только для подобных приемов, я подозреваю, совсем не знания нужны – а способность элегантно трепать языком. Только в этом я тоже полный ноль. Сроду никакой светской жизни не вела – просто потому, что не ведут ее воспитательницы детских садиков, даже элитных.

В общем, пока собиралась на прием в особняк отца, накрутила я себя донельзя. Да еще когда ехала в роскошном «мерсе», что прислал за мной отец, умудрилась на платье зацепку сделать. А искусственный трикотаж только зацепи – мигом вылезет «стрелка» сантиметров в десять длиной.

Отец, правда, едва завидев меня, галантно произнес:

– Бэлочка! Ты сегодня просто ослепительна! Проходи, пожалуйста. Бери коктейль... – Он замахал официанту.

Зато его супруга (как я и предполагала, девица оказалась моего возраста или даже помладше) одним змеиным взглядом окинула меня всю и ехидненько добавила:

– Да, да, садитесь. Только, пожалуйста, не на канапе, – она своим тощим телом заслонила диванчик на тонких ножках, – лучше вот сюда, в кресло. Так нам всем, – опять ядовитая, в духе земноводных, улыбка, – будет спокойнее.

А отец выпада молодой женушки будто и не заметил. Взял с подноса коктейль, вручил мне, еще раз улыбнулся, ласково потрепал по плечу – и умотал к другим гостям. Я же осталась с дурацким, слишком кислым коктейлем сидеть в неудобном кожаном кресле.

...За весь вечер папа подходил ко мне от силы пару раз. Спрашивал, хорошо ли мне («Да, конечно!» – бодро отвечала я). Познакомил с партнером по бизнесу (пожилым дядькой с равнодушными глазами) и с парочкой молодых людей – я так поняла, то были дети его знакомых. Оба будто из одного инкубатора – чистенькие, спортивные, с дорогими часами на запястьях, а взгляды – пресыщенные и насмешливые. Первый спросил у меня, была ли я в этом году в Куршавеле. У меня получилось в ответ вполне светски усмехнуться:

– А что, разве туда до сих пор кто-нибудь ездит?

– Это вы правы! – с энтузиазмом откликнулся юноша. – Мне тоже Биарицц нравится куда больше. Да и норвежские фьорды по-своему забавны!

И минут пятнадцать без остановки болтал про свои путешествия, включая грядущее – они с друзьями в июле собирались пройтись по Эгейскому морю на яхте.

Ответить ему мне было нечего – не рассказывать же про дом отдыха «Березка», куда мы ездили от маминой работы.

А второй из потенциальных поклонников меня и вовсе в тупик поставил. Едва отец, познакомив нас, отошел, он выпалил:

– Ты с какой скоростью подаешь?

Тут уж я (хотя и пыталась с помощью газет, телика и Интернета подготовиться к возможным «светским» вопросам) растерялась. Пробормотала:

– Ты о чем?

А он окинул оценивающим взглядом мою фигуру и авторитетно заявил:

– Думаю, километров двести в час. Почти как Иванишевич.

Я покраснела. Наконец сообразила, что речь идет о теннисе и что юноша пытался сказать мне комплимент, но все равно неприятно, когда твое тело ассоциируется не с тростинкой, не с цветком – но с пушечной теннисной подачей.

От всего этого настроение испортилось окончательно и, когда ужин (ветчина из Испании, сыры из Парижа, а жареное мясо нежнейшее, будто свинок высококалорийными сливками кормили) подошел к концу, я сидела мрачнее тучи. Даже отец – озабоченный своими делами, гостями, постоянно звонившим мобильником – заметил, что я не в духе. Отвел к окошку, положил руку на плечо, спросил:

– Признавайся, Бэла: тебе у меня не понравилось?

– Еда была вкусной, – с остатками светскости улыбнулась я.

– А как насчет Артема?

Артемом, кажется, звали того, кто спросил про подачу.

– Он звал меня поиграть с ним в теннис, – соврала я.

– Ты согласилась? – обрадовался отец.

– Нет, – усмехнулась я.

– Почему? – непонимающе воззрился он.

И тут я наконец не выдержала. Запальчиво произнесла:

– Слушай, папуль, а ты вообще в курсе, сколько это стоит – научиться играть в теннис?

Моей маме такие уроки были как-то не по карману... И в Куршавель я никогда не ездила. Да и на яхте ни разу в море не выходила, так получилось, знаешь ли... Еще вопросы будут?

– Ах, вот оно что, – задумчиво сказал отец. И добавил: – Я, впрочем, тоже в теннис не играю. И Куршавель на дух не переношу. Но вы, девушки... У вас все по-другому...

– Да, папа, – устало произнесла я. – У нас действительно все по-другому. Ты завтра с отвращением полетишь в Куршавель. А я встану в половине шестого утра и поеду на автобусе на работу. Совсем другая жизнь.

Он не принял моего вызова. Полыхнул глазами, горячо проговорил:

– Эх, Бэла, Бэлочка. Ты просто еще молодая, не понимаешь, что это все – наносное...

И ты – со своими глазами, фигурой, умом, наконец, стоишь десяти таких, как этот Артем!

– Хорошо бы еще объяснить это ему, – фыркнула я.

А папа твердо произнес:

– Ладно, я все понял. Тебе просто надо адаптироваться, привыкнуть. Кстати, это совсем не сложно. Обещаю тебе, нет, не обещаю – клянусь: пройдет всего полгода, и ты станешь среди них своей.

– И каким образом эта адаптация будет происходить? Ты устроишь для меня экскурсию в Куршавель? – подняла бровь я.

– Вот дался он тебе! – скривился отец.

«На самом деле я бы не отказалась, – пронеслось у меня в голове. – И от кредитной карты с неограниченным лимитом, чтобы вволю по дорогим магазинам побродить, тоже».

Однако предложил папа совсем другое. Слегка смущенно произнес:

– Бэлочка... ты никогда не думала, что тебе нужно... м-мм... для начала слегка похудеть?

Меня бросило в краску. И без него, конечно, я знаю, что толстушка – но слышать *такое* от только что обретенного отца было обидно. И вдвойне обиднее, что сейчас, в свои двадцать семь, я даже стараюсь держать подобие диеты. Во всяком случае, не лопаю так, как в детстве. Тортики, хачапури и булочки ем лишь изредка – да и то потом мучаюсь угрызениями совести. И чай стараюсь пить без сахара. И после восьми вечера не ем – сегодняшней ужин единственное за долгие месяцы исключение. Только толку никакого. Обмен веществ, видимо, уже нарушился. Да и спортом я никаким, уже говорила, не занимаюсь, даже банальной зарядки не делаю. Какая уж тут зарядка, если каждое утро от хронического недосыпа голова трещит. Работа тоже в основном сидячая. Когда мои подопечные на прогулке, за ними специальный инструктор по безопасности наблюдает и гоняется. А когда мы в помещении, то лепим, клеим, рисуем, читаем – от такой нагрузки килограммы не уйдут.

...Отец же, увидев, что я расстроилась, аж руками замахал:

– Бэла, милая, ты только не обижайся! Я вовсе не собираюсь читать тебе мораль! Просто моя сестра ездила, очень хвалила...

И он рассказал мне про санаторий «Ариадна».

– Вернулась – я ее просто не узнал. Похудела, похорошела, глаза светятся! Кожа стала, как у девочки. И довольна чрезвычайно. Говорит, отличные врачи, грамотные инструкторы, шикарные условия. А главное: за месяц она больше двадцати килограммов сбросила! Безо

всяких, как говорит, усилий! Всего лишь диета, да шейпинг, и пилюли какие-то, вроде витаминчиков. Даже удивительно, что все это – у нас в России.

Я слушала его, скептически вздернув бровь. Но чем горячее отец рассказывал, тем больше мне его идея нравилась.

– Ты еще вот о чем подумай! – продолжал он. – Решила, я не вижу, не понял: тебе в нашем обществе тяжело, непривычно... А санаторий этот – чем не тренировка? Туда ведь, сестра рассказывала, многие светские дамы ездят. Из Питера, из столицы. Вот и пообвыкнешься немного, притрешься. Поймешь, что они за люди, о чем с ними надо говорить... Но главное, конечно: приведешь себя в форму, похудеешь, подтянешь мышцы. И вернешься – настоящей королевой.

Действительно, это звучало заманчиво.

Я пробормотала:

– Да, у меня как раз и отпуск подходит. Только стоит этот твой санаторий, наверно, за пределами...

– Ну, деньги в данном вопросе мелочь, – заверил отец.

И по его радостному, что я согласилась, лицу, я поняла: оплатить дороговую путевку он посчитает за счастье.

Лиля

Я приехала на новую работу в понедельник утром. Санаторий ограждала настоящая крепостная стена. Хмурый охранник на проходной долго и подозрительно разглядывал мой паспорт, наконец неохотно разрешил:

– Проходи.

За спиной захлопнулась тяжелая железная дверь.

«Будто в тюрьму попала», – мелькнуло у меня.

Впрочем, я тут же отогнала дурацкие мысли. При чем здесь тюрьма, если такая красота кругом? Белоснежные корпуса. Ухоженный парк с экзотическими растениями и фонтанами. Бассейн со стеклянными стенами. Просто не верилось, что всего в пятнадцати километрах отсюда находится наша убогая Кирсановка с ее разбитыми улицами и горячей водой раз в день, с шести до восьми утра. А тут все как в фильме про жизнь богачей. И люди расхаживают совсем другие. У нас в городишке у всех лица мрачные, зубы сжаты. А здесь идет по дорожке девица, молодая, не старше меня, но уже толстенная, и обручального кольца нет, и на лицо совсем не красавица. Но улыбается и сама себе, и всем вокруг. Хотя... Может, если б я жила, как она, тоже бы веселилась.

Когда я проходила мимо жилого корпуса, меня разобрало любопытство. Увидела, что в одной из комнат шторы не задернуты, и не удержалась, решила посмотреть. Влезла на приступок, уцепилась за подоконник, заглянула внутрь. Ну ничего себе! Кровать под балдахином, мебель красного дерева, на полу – пушистый ковер, по стенам картины в роскошных золоченых рамах. На столе ваза, полная фруктов, включая экзотические манго (мой Максимка давно мечтает их попробовать). А подле вазы валяются серьги, два кольца, ожерелье – явно золотые, массивные, с вкраплениями бриллиантов...

Я спрыгнула с приступка. Взгляд упал на мое собственное золото – крошечную полоску на безымянном пальце. То был единственный подарок моего непутевого Юрика. Я в свое время очень радовалась колечку и не сомневалась: это только начало, дальше золота у меня будет много, и от раза к разу все роскошнее. Однако больше драгоценности он не дарил – только цветочки иногда, – а потом кончились и они, и Юрик меня и вовсе бросил... Когда же Максимка только появился на свет и денег не хватало даже на то, чтобы купить ему коляску, я попыталась подарок продать. Но в ювелирном надо мной откровенно посмеялись. Сказали, что могут, конечно, взять на комиссию, только денег я выручу от силы на одно колясочное колесо...

И я снова порадовалась, что теперь работаю в таком шикарном месте и моими клиентками будут обеспеченные, уверенные в себе дамы. Когда ты крутишься среди богачей, всегда есть шанс, что и сама впрыгнешь в их круг. А разбогатеть, врать не буду, я давно мечтала. Только как может разбогатеть женщина без мужа, без образования, да еще и с ребенком на руках? Когда Максимка родился, я вообще едва с голоду не померла. Спасибо, Колян помог, мой несостоявшийся ухажер. Тот хоть и тупой, и оскорбила я его, а оказался незлопамятный. Пока я была при Юре, мы с ним, конечно, не виделись, про Коляна только слухи доходили. Будто он поменял работу в автосервисе на бандитские дела, появились денежки, и якобы собирался жениться на какой-то девчонке, да в последний момент все сорвалось.

Однажды Николай вдруг явился ко мне с цветами. И когда увидел, что Максимке не то что на фрукты, на творожок не хватает, тут же взялся нам покровительствовать. Подкидывал денюжат безо всякой, конечно, отдачи. Возил, когда надо, в поликлинику. Только каждый раз явил: «Говорил я тебе, что твой Юрик – хмырь еще тот? А ты не верила...»

И возразить ему было нечего.

Но, может, я разбогатею здесь – в «Ариадне»?

...До инструктажа еще оставалось время, и я успела по пути в административный корпус в столовую заглянуть. Тоже шикарное местечко: белоснежные скатерти, серебряные солонки, удобные мягкие стулья. А запахи вообще райские. Совершенно домашней яичницей пахло. И свежим беконом. И теплыми, только что выпеченными булочками. Сразу в животе заурчало – утром-то было не до завтрака, выпила наскоро чашку чая и помчалась на автобус. Народу в столовой пока не наблюдалось – половина девятого утра, по здешним меркам, наверно, рано. Очень хотелось подойти к стойке, где без всякого надзора исходили паром румяные булки, и стянуть хотя бы одну, но я удержалась. Вот доложусь, что приехала, заселюсь в комнату – и отправлюсь завтракать уже на законных основаниях.

В административный корпус я явилась точно, как приказал Константин: к девяти. И прямо на пороге столкнулась с каким-то шкафом. Мужик тянул кило на сто пятьдесят, не меньше. Сплошные мышцы, а голова малюсенькая, как у динозавра. И глаза змеиные. Он сурово взглянул мне в лицо:

– Лиля Бодрова – это ты?

– Да.

– Пошли.

И стальными пальцами схватил меня выше локтя.

– Эй, дядя! – возмутилась я. – Я вообще-то на инструктаж пришла, а не в милицию!

– Будет тебе шаз инструктаж... – пробурчал он.

И буквально поволок меня за собой по коридору. Сердце упало. Что случилось? Может, из того номера, куда я заглядывала, украли золото?..

– Полегче! – обратилась я к охраннику. – Ты мне сейчас руку сломаешь!

– И надо бы, – проскрипел он.

Но хватку ослабил. Я разглядела, что на его черный пиджак пришпилен бейдж: «КИРИЛЛ МИНИН, СЛУЖБА ОХРАНЫ, СТАРШИЙ СМЕНЫ». Ничего хорошего это не предвещало.

Мы ввалились в огромный кабинет. Здесь нас ждали. Какой-то седовласый, крошечного росточка дядька. И, о счастье, Константин Сергеевич. Сейчас, в свете раннего утра, он показался мне еще красивее. Мягкий взгляд синих глаз. Точеный нос. Тонкие, благородного абриса губы. Такой прекрасный – но такой недоступный. И как же мне хотелось быть с ним рядом! Рядом – во всех смыслах. Только сейчас я особенно остро почувствовала, что мы принадлежим к разным мирам. Он – начальник отдела кадров, а меня, как шелудивую собаку, волочет охранник...

Я сердито стряхнула со своего плеча руку динозавра Кирюхи и возмущенно произнесла:

– Что вы себе позволяете? Я...

– Сядь, – перебил меня седовласый.

Черные угольки глаз сверкали, низкий, бархатный голос завораживал. Я послушно упала в кресло.

– Вы кто? – пробормотала я.

Вместо него ответил Константин Сергеевич:

– Это, Лилечка, Арсений Арсеньевич. Директор нашего санатория.

– Очень приятно... – начала я, но коротышка перебил:

– Еще раз себе такое позволишь – уволю.

Директор сделал зловещую паузу. Я молчала.

– ...Сразу бы выгнал, да за тебя Константин Сергеевич попросил, – с сожалением закончил он. – Поэтому на первый раз прощаю.

Я метнула на моего ангела-хранителя благодарный взгляд, но Костя – мой Костя! – смотрел не на меня. Он что-то разглядывал за окном и в свете весеннего солнышка казался

совершенным, будто античная статуя. Я особенно остро почувствовала, что хочу его, немедленно, хочу всего, от кончиков длинных пальцев до синих глаз...

А седовласый совсем уж грубо закончил:

– Еще раз в чужой номер заглянешь – будешь бабки платить. За вмешательство в частную жизнь. И в гостевую столовую тоже больше ни ногой. Поняла?

И дальше еще долго разорялся все в том же духе. Что персонал – это словечко он произносил с особенным удовольствием – должен вести себя тише воды ниже травы. С постояльцами ни в какие контакты, кроме как по работе, не вступать. По санаторному парку без дела не разгуливать. В бассейн ходить только до семи утра или после десяти вечера, когда никого из гостей там нет. Кушать тоже не вместе с клиентами, а в отдельном помещении, без всяких, как я поняла, скатертей.

...Даже не сами слова были обидны, а тон, каким он их говорил. Арсений Арсеньевич явно давал понять: он, по определению, меня во много раз выше. Директор санатория, хозяин, богач, почти небожитель. И Костя – мой Костя! – явно принадлежит не к моему, но к его миру. Он внимательно слушал директора. И в некоторых местах его речи даже согласно кивал.

...Ну, а когда запугивание под видом инструктажа закончилось, амбал Кирюха отвел меня в мою комнату. Никакого, к сожалению, сравнения с роскошными гостевыми номерами. Даже в моей малогабаритке и то площади побольше. А тут – два на два, как в гробу. Только кровать с тумбочкой и помещаются. И крохотная ванная с душевой кабиной.

– Что, не нравится? – назидательно молвил Кирюха. – А чего ты хотела? Весь персонал так живет. Можно подумать, у тебя в Кирсановке лучше.

– Ты сам, что ли, не персонал? – фыркнула я.

– Персонал персоналу рознь. Я тоже когда-то с комнатухи начинал. И с зарплаты, как у тебя, – пренебрежительно улыбнулся он. И гордо закончил: – А теперь квартиру купил. И на «Хонде» езжу.

Ну, «Хонда» мне пока ни к чему, а вот о собственном жилье я давно мечтала. Чтоб у Максимушки комната отдельная, и телевизор чтобы стоял не в спальне, а в гостиной, и кухня не пять метров, как у нас с мамой.

– И долго ты копил? На квартиру? – заинтересовалась я.

– А как работать будешь, – загадочно улыбнулся Кирюха. – Если как сегодня – в чужие окна заглядывать, вся зарплата на штрафы уйдет. А то и чем похуже закончишь. – Он внимательно посмотрел мне в лицо и повернулся уходить. Но на пороге обернулся и тихо произнес: – Запомни, Лилечка. Тут за тобой наблюдают. Все время.

Я бессильно опустила на кровать. На запугивания Кирилла я плевала. Другое обидно. Что Костя – мой Костя! – здесь стал куда недоступнее, чем когда мы разговаривали в кабинете Емели или ехали вместе по вечерней Кирсановке... Неужели у меня не получится его завоевать?

...До начала моей первой тренировки еще оставалось время, и я решила прогуляться по санаторию. Директор, злой карлик, правда, говорил, что персоналу, по территории разгуливать не положено. Но мне ведь нужно выяснить, где хотя бы находится спорткомплекс? И вообще: хотелось еще раз присмотреться, что здесь за люди. И чего еще есть интересенького – имеется ли, к примеру, что-нибудь вроде бара?

Я бросила в сумку спортивную форму и с облегчением выбралась из своей душной комнатухи на волю.

...Со второго взгляда санаторий понравился мне куда меньше. Ухоженные дорожки парка, белоснежные корпуса, сверкающий чисто вымытыми окнами бассейн, конечно, никуда не делись, и я продолжала ими восхищаться – но после утренних разборок я особенно остро понимала: эта роскошь не про меня. Как там сказал карлик? На «чистой» территории

можно бывать, только когда тренируешь очередную клиентку. А потом снова убирайся на свои задворки.

До того седой тролль запугал, что, даже оказавшись в самом дальнем уголке парка, я гадала: а позволено ли мне, простой тренерше, присесть на господскую лавочку? И, пуще того, закурить?

Впрочем, я быстро успокоила себя: что я в самом деле тряусь, будто глупая школьница? Я ж не наркотики курю, обычные сигареты. Откинулась на лавочке, прикурила... и снова вздрогнула. Потому что на аллее вдруг показался мужчина. Еще издали, по одной лишь уверенной походке я почувствовала: это очередной хозяин жизни. Кто-то из начальства? Или богатый клиент? А я, как нарочно, на барской территории, да еще с сигаретой...

А когда мужчина подошел поближе, я едва не застонала.

Потому что все оказалось гораздо хуже.

Этого человека я знала. И, более того, совсем бы не хотела с ним встречаться. Тем более здесь, в «Ариадне».

Я лихорадочно отшвырнула недокуренную сигаретку, вскочила. Может, я успею убежать? Может, он меня не заметил?

Но было уже поздно.

Мужчина тоже увидел меня. И узнал. Ускорил шаг. Приблизился к лавочке. Расплылся в улыбке. Произнес:

– Неужели Лиля?

Мне ничего не оставалось, кроме как кисло улыбнуться в ответ. И грустно подумать: от прошлого, как ни старайся, не убежишь. Оно тебя все равно настигнет.

...С этим человеком мы познакомились в один из самых паршивых дней моей жизни. Чуть ли ни единственный день, когда я дала слабину...

Обычно-то я, как ни тяжело, всегда старалась быть сильной. А как иначе, когда на руках Максимка и пенсионерка-мама? И даже близко нет мужского плеча, на которое можно было бы опереться. Не считать же за надежду-опору моего Емелю. Все девичьи иллюзии (бриллианты, шубы, ванны с шампанским, принцы на белых конях и тому подобная муть) давно рассыпались в прах. Я привыкла выживать на скромную зарплату. Точнее, прилагать все усилия к тому, чтобы мой Максимка ни в чем не нуждался. И мама могла бы изредка побаловать себя. Меня же устраивала самая простая, с рынка, косметика, и одежда, что подешевле, и никаких давно уже ресторанов с дорогими коктейлями. Куда разумнее просто купить бутылку «мартины» и, если очень хочется, смешать тот же «Манхэттэн» самой.

При этом я всегда старалась выглядеть королевой. Ну и пусть мои платья стоят копейки, а высокие каблуки на любимых туфлях давно уже расшатались и грозят в самый неподходящий момент подломиться. Ну и подумаешь, что волосы я подкрасила не в дорогой парикмахерской, а в домашних условиях, в ванной. Эти все мелочи ведь только женщины подмечают. Для мужчин важнее другое. Чтобы гордая осанка была в наличии. И уверенная улыбка. А главное, нужно держать себя так, чтоб никто не сомневался: у нее все хорошо. Замечательно. Лучше всех!

...Но в тот февральский, ветреный день мой имидж победительницы дал сбой. Дело в том, что Максимка подцепил какой-то вирус – ОРВИ, а может, и грипп. Болел тяжело, с высоченной температурой и сильным кашлем. Я, конечно, изо всех сил старалась его не просто побыстрее вылечить, но и подбодрить, развеселить. Постоянно сынулю обнимала, кормила с ложечки, спала рядом с ним, чтоб вовремя дать жаропонижающее. И Максимку моя материнская, безвозмездная и сильная энергетика довольно быстро поставила на ноги. Но зря говорят, будто от детей невозможно заразиться. Едва температура у сына упала, я разболелась сама. В постели, конечно, спасибо аспирину, не лежала, но чувствовала себя препаршиво. Постоянная слабость и насморк, а еще мерзла... Но полноценный больничный не

взяла. Вирус по всему городку гулял, и у нас в клубе половина инструкторов свалилась. Тето, умные, вызвали врачей, улеглись в кровати и поставили Емелю перед фактом. А я, идиотка, все за дело радею, переживаю: клиентки явятся на тренировку, а инструктора нет. Глотала бесконечные порошки-настойки, сбивала температуру, загоняла простуду внутрь организма – и героически ходила на работу.

И вот промозглым вечером, отскакав четыре тренировки подряд (две со своей группой и еще две, заменяя разумных, спокойно болеющих коллег), я наконец вышла из клуба, собираясь отправиться домой. Самочувствие было хуже некуда и настроение отвратное. Потому что, помимо болезни и плохой погоды, еще и финансы были на нуле. Зарплата благодаря лекарствам и машинкам-книжкам, чтобы порадовать болеющего Максимку, давно растаяла. Емеля, конечно, обещал за мой ударный труд выдать премию, и пенсию маме со дня на день должны принести, но пока что в моем кошельке уныло шелестели две десятки. Две! Ровно на маршрутку до дома и буханку хлеба. Обычно такие финансовые кризисы меня даже веселили – ну или я старалась относиться к ним снисходительно. Например (как школьница, право слово!), ехала вместо удобной маршрутки на автобусе – без билета! – и с замиранием сердца ждала налета контролеров. Или вовсе: шла со своими грошами в единственный в нашем городке супермаркет. Гордо бросала в тележку единственную буханку хлеба и, если охранники маячили в другом конце зала, напихивала по карманам развесных конфет или творожных сырков.

Но сейчас подобных трюков я бы и близко не исполнила. Никаких автобусов – у нас в Кирсановке в них не топят, стекла обледенелые, сиденья холодные... Дождаться бы теплой маршрутки. И без всяких, конечно, магазинов домой, в постель. Ну и подумаешь, что в доме свежего хлеба нет. Как-нибудь позавчерашним обойдемся.

...Только и с маршруткой не везло. Шел мокрый снег, на дорогах была сплошная скользкая каша. От такой погоды даже в нашей сонной Кирсановке, видно, случилась пробка. Или водитель – у нас ими, как везде, работают теплолюбивые кавказцы – от мороза в каком-нибудь *духане* спрятался. На остановке уже скопилось полно народу, люди жались под крышей, чихали и кашляли. Я, чтобы не подцепить какой-нибудь новый вирус, стояла чуть в стороне и безнадежно вглядывалась в поток машин: не мелькнет ли среди них родное желтое тулово «Газельки»... Впрочем, чтобы вместить всех желающих, уже и двух «газелей» не хватит. Представляю, что за давка начнется, когда маршрутка наконец подойдет! А таксистов мои два червонца уж точно не заинтересуют. Но не идти же пешком пять километров до дому!

Так что полнейший тупик. Да и вид у меня был совсем не королевский. Куртка застегнута до носа, шапочка натянута до самых бровей. Осанку под пронизывающим ветром тоже держать непросто. Нос хлюпает, губы обветрены. Настоящая тетка-неудачница.

Потому я была чрезвычайно удивлена, когда рядом вдруг притормозила черная иномарка с московскими номерами. Водитель заблудился, что ли? Однако окошко со стороны пассажира поползло вниз, и мужской голос спросил меня совсем не про дорогу. Он весело крикнул:

– Девушка! Вам куда?

Подхалтурить, что ли, решил москвич? Но только я, увы, сегодня совсем не кредитоспособна.

– У меня денег нет. – И отвернулась.

Однако водитель не отставал:

– Я с девушек денег не беру! Садитесь!

Вот ведь настырный!

– Мне в Березовку, – буркнула я.

Получилось хмуро и грубо. Сейчас увидит мои покрасневшие глаза и распухший нос – сразу даст по газам. Однако водитель – вот чудик! – включил аварийку. Не обращая внимания на прочих пассажиров, оживившихся на остановке, вышел из машины. Приблизился ко мне. Быстрым взглядом осмотрел с головы до пят, пробормотал:

– Да вы совсем простужены!

И распахнул пассажирскую дверцу:

– Садитесь, быстро.

Мужику было уже явно за пятьдесят, весь в морщинах, и глаза усталые. Вряд ли он маньяк. Да и лучше уж схлестнуться с маньяком, чем бесконечно ждать опаздывающий транспорт.

Я быстро нырнула в теплый, приятно пахнущий кожей салон. Мужчина аккуратно затворил за мной дверцу, вернулся на водительское место и нажал на газ. А левой рукой, между делом, заблокировал двери.

Так, так. Нехороший симптом. Требовать, чтобы отпер? Остановил машину? Выпустил меня? Но здесь так мягко, расслабляющее уютно – я сразу начала клевать носом. И стала себя уговаривать. Может, водитель просто за безопасность радеет? Заблокировал двери, чтоб они на ходу случайно не распахнулись?.. Непредусмотрительно, конечно, и глупо – но я так устала стоять на морозе...

А водитель словно бы почувствовал мои опасения. Галантно произнес:

– Давайте, прекрасная дама, сразу познакомимся. Чтобы вы понапрасну не волновались...

И, не отрываясь от руля, извлек из внутреннего кармана визитку, протянул мне.

– Старцев Георгий Семенович, – прочитала я. – Кандидат медицинских наук, суггестолог высшей категории.

Само наличие визитной карточки внушало уважение, и с кандидатом наук все было понятно, однако слово «суггестолог» мне прежде никогда не встречалось. Интересно, что бы это значило? Но спрашивать было неудобно: сразу примет за провинциальную дурочку. И я попыталась вспомнить давно похороненный школьный курс иностранного. В памяти, вот удивительно, всплыл глагол «suggest». Основное значение: «предлагать», но еще можно перевести как «внушать». Вот удивительно! Несмотря на простуду, даже какие-то мозги остались. Но что, интересно, означает – «внушитель высшей категории»?

Я вскинула на моего спасителя глаза:

– Суггестолог – это... гипнотизер?

– Ох, ничего себе! – с притворным ужасом произнес мужчина. – Какие в Кирсановке, оказывается, продвинутые девушки!

Я пропустила его иронию мимо ушей, задумчиво произнесла:

– И при этом – кандидат медицинских наук. А я всегда думала, что официальная медицина гипноза не признает...

По лицу Старцева промелькнула тень. Или мне показалось? Впрочем, когда он заговорил, на его челе уже вновь играла улыбка:

– Ну, что вы, милая? Как это – не признает? А кодирование от запоев? Курения? Избавление от героиновой зависимости? Среди моих клиентов, прошу заметить, до восьмидесяти процентов стойкой ремиссии, ни в одной наркологической клинике подобных результатов и близко нет! А от курения я вообще без срывов избавляю. Вы, кстати, не хотите бросить?

– Да нет, – хмыкнула я. – Наоборот, лучше бы сейчас покурила. У вас можно?

– Пожалуйста, пожалуйста, у меня кондиционер, – засуетился мужчина. – Или могу окошко открыть. Прикуриватель вам нужен?

Ф-фу, кажется, пронесло. На маньяка мой спаситель явно не тянул. Просто старый чудак. Чудак-благодетель, пожалевший мерзнущую на остановке девушку.

Я с удовольствием закурила и, признаюсь, не без кокетства спросила:

– А от простуды... вы не можете закодировать?

– Увы, – вздохнул он. – Сия болезнь гипнозу не поддается.

Внимательно взглянул на меня и предложил:

– Но я могу организовать для вас горячий чай. И малиновое варенье. К тому же я неплохо знаком с китайской медициной, точечный массаж, скажу я вам, творит настоящие чудеса...

Ну, уж без точечного массажа мы как-нибудь обойдемся. Лишь бы до дома доехал. Я пробормотала:

– Ко мне в Березовку – вот здесь направо надо.

Старцев – ура – безропотно повернул и галантно спросил:

– А как же вас зовут, моя очаровательная попутчица?

– Лиля, – улыбнулась я. – Кстати, спасибо вам большое, что остановились. А то эту маршрутку можно до бесконечности ждать.

– Зачем вы вообще из дома вышли? – Он снова искоса взглянул на меня. – В таком состоянии нужно не по холоду расхаживать, а в кровати лежать.

– Да ладно, – пожала я плечами. – Вон, американцы простуду вообще за болезнь не считают.

Хотя на самом деле мне дико хотелось в теплую постель. И чтобы рядом стакан с горячим чаем, и чтобы кто-нибудь меня жалел, сидел рядом и гладил по голове... Только кто ж меня пожалеет? Маме все время некогда – на ней и хозяйство, и Максимка. Сынуля мой – он навстречу, конечно, бросится и обнимет своими тепленькими ручками, но жалеть дети не умеют. Наоборот, станет требовать, чтоб я с ним в бесконечные машинки играла.

В голове вдруг мелькнула шальная мысль: а может, согласиться на предложение Старцева?! Поехать с ним, и пусть он поит меня чаем и делает свой китайский массаж... Доктор, насколько мне удалось разглядеть в полумраке машины, вполне себе ничего. Пусть и дедок уже, и черты лица неправильные, зато глаза все искупают. Черные, прожигающие, пронзительные – и в то же время участливые.

Впрочем, что за бредовые мысли? Какой может быть Старцев, если дома меня ждет Максимка – едва оправившийся от своей болезни и потому особенно сейчас нуждающийся в моей заботе и ласке? Да и разве можно куда-то ехать с первым встречным?! Помрачение какое-то. Видно, этот мужик себя не зря суггестологом называет. Небось сидит сейчас и внушает мне: «Захоти меня! Захоти!...»

Я инстинктивно отодвинулась от доктора подальше, на самый краешек сиденья. И пробормотала:

– Вот тут налево надо.

Слава богу, расстояния в нашем городке смешные, и мы уже приближались к моему дому.

Но в этот раз Старцев моего указания не выполнил. Вместо того чтобы повернуть, резко принял вправо и остановился. Он, что ли, думает, что уже меня загипнотизировал? И сейчас набросится с объятьями?!

Я дернула дверь – заперта.

А доктор вскинул на меня угольки своих глаз и вкрадчиво произнес:

– Вы такая красивая... Лиля.

Вот черт! Не бывает в нашем городке (да и в нашей стране!), чтоб тебе кто-то за бесплатно добро сделал! Я-то, дурочка, раскрылилась: пожалел, подвез! А он не маньяк, конечно, но обычный старый приставала.

Я резко произнесла:

– Только посмей меня тронуть.

Получилось зло, да и смотрела я Старцеву точно в основание носа (Юрик когда-то учил, что одним таким взглядом можно деморализовать противника). Какого-нибудь Чикатило мои приемы вряд ли смутили бы – однако доктор аж отпрянул. Виновато пробормотал:

– Лиля, Лиля, да что вы?.. Неужели вы могли подумать, что я вам сделаю что-то плохое?..

До дома оставалось метров пятьсот, и я потребовала:

– Откройте машину.

– Ну, уж нет, – покачал он головой. – Довезу вас до подъезда.

Я, правда, сомневалась, стоит ли показывать доктору, где находится мой подъезд, но очень уж не хотелось вылезать из теплого нутра машины и топтать остаток пути по мокрому снегу. Да и к тому же инстинкт безошибочно подсказывал: этот Старцев действительно ходок еще тот, и женщин у него легион. Однако *насильно* он никогда не возьмет – такие тащат в постель, только если дама сама согласна, если ведется на обволакивающие взгляды и точечные массажи.

– Езжайте налево и потом прямо, – хмуро велела я.

– Яволь, моя королева! – весело откликнулся он.

Я снова подумала: старый перец совсем и не плох. Глаза у него изумительные, и поговорить с ним, наверно, интересно, да и в сексе, говорят, доктора знают толк. И машина у него хорошая... Сейчас, конечно, ни о каком точечном массаже и речи идти не может, но потом, когда я поправлюсь... почему бы с ним и не встретиться?

Мы на немалой скорости влетели в мой двор, притормозили у подъезда. Доктор выключил двигатель, разблокировал двери: вроде как путь свободен. Но продолжал жечь меня своими глазами-углями:

– Ну что, Лиля? Китайский массаж, я так понял, вас не заинтересовал. Может быть, что-нибудь еще? Горячий пунш? Прогулка под луной? Ванна с шампанским – не сейчас, конечно, когда вы поправитесь?

И было в его беззастенчивых – да что там беззастенчивых, просто наглых! – предложениях чего-то чрезвычайно интригующее. Или он меня все-таки загипнотизировал?

В общем, не знаю, что тому было причиной, но я произнесла:

– А почему бы и нет?

– Тогда давайте так. – Он внимательно посмотрел на меня. – Сегодня понедельник. Я даю вам три дня на то, чтобы вы справились с простудой. А в пятницу, скажем... в девятнадцать ноль-ноль буду ждать вас у стелы.

Странный выбор для места свидания. Стела – наша единственная достопримечательность – располагалась в городском парке. Я хмыкнула:

– Мы что же, будем прогуливаться по дорожкам?

– Ни в коем случае, – покачал головой Старцев. – Просто я давно заметил в вашем парке удобную площадку. Мне почему-то кажется, – снова пристальный взгляд на меня, – что вам очень хочется... научиться водить автомобиль. Я прав?

Я изумилась. Доктор был прав, тысячу раз прав! Я действительно мечтала водить машину. И пусть собственный автомобиль мне не светит, но хотя бы просто уметь! Самой, хоть иногда, чувствовать восхитительное сцепление рук и руля, ног и педалей, повелевать скоростью, ветром, пространством!

– А вы за свою машину не боитесь? – хмыкнула я.

Старцев усмехнулся в ответ:

– Я хороший учитель.

– Тогда годится, – кивнула я. И поинтересовалась: – А что будет дальше, после урока вождения?

Всегда лучше с самого начала расставить все точки над *i*.

– Потом мы с вами поедem в ваш любимый ресторан, будем пить самые ваши любимые коктейли и, если хотите, потанцуем... – вкрадчиво проговорил доктор.

И на его хитрой физиономии читалось: жаль, что с насюка не получилось. Но уж в пятницу-то я тебя в постель точно затащу!

А я весело подумала:

«Смотри, хренчик, зубы себе не обломай!»

И улыбнулась:

– Идет. Договорились. До пятницы!

Покататься на машине – это я с удовольствием. И в ресторан сходить. И потанцевать. А вот насчет секса – это мы еще очень сильно посмотрим.

...И в пятницу мы с доктором провели если не восхитительный, то вполне достойный вечер. Я довольно ловко научилась трогаться с места и повышать передачи (только когда с первой на вторую переходила, машина сильно дергалась). Потом он повез меня в ресторан и заказал самое дорогое, что было в меню, – королевские креветки. И танцевать мне с ним понравилось, и слушать всякие медицинские байки – тоже.

Но все его предложения (вполне, впрочем, корректные) продолжить банкет я решительно отвергла. Не виляла, не хитрила: сказала в лоб: мол, вы симпатичный мужчина, и очень мне нравитесь, и спасибо за прекрасно проведенное время. Но прыгать в постель к человеку, которого едва знаю, я не готова. Вот познакомимся поближе... Начнем друг другу доверять...

Старый ловелас мое заявление проглотил. Рьяно воскликнул:

– Что же, я готов подождать!

Довез до дому, поцеловал в щечку и назначил новое, через неделю, свидание...

Мы виделись еще несколько раз. Он, не жалея своей иномарки, продолжал давать мне уроки, и я как-то даже выехала из парка в город. Старцев водил меня в кино, кормил в ресторане, развлекал анекдотами. О себе почти не рассказывал, и меня это не удивляло. Знакомая картина. Наверняка женат – потому и скрывает. Впрочем, я за него замуж не собиралась. И становиться его любовницей – тоже.

Но только дружба между мужчиной и женщиной, к сожалению, невозможна. И с каждым нашим танцем Старцев прижимался все теснее, и наши поцелуи в машине, перед моим подъездом, становились все более страстными... И я понимала: дольше тянуть не получится. Мне наконец нужно решиться. Или – *дать* ему. Или – послать. Навсегда. Старые ловеласы – они, конечно, не то, что молодые, которые тебя в койку на первом свидании пытаются уложить, но и их терпение не беспредельно.

И что прикажете делать? Спать со старикашкой мне совсем не хотелось. Зачем он нужен, весь морщинистый и руки в пигментных пятнах? Но посылать доктора тоже было жаль. Ведь тогда за рулем новенькой иномарки больше не посидишь. И королевских креветок не поешь...

Вот я и тянула, никак не могла принять решения...

Так обстояли дела, когда вдруг последовало неожиданное приглашение в «Ариадну». И надо же такому случиться, что чуть ли не первым, кого я здесь встретила, оказался Старцев!

...Я инстинктивно отодвинулась подальше от доктора. Пробормотала:

– Что вы здесь делаете?!

Он, кажется, удивился:

– Что здесь делаю? Я? Работаю. А ты?

И я вместо того, чтоб ответить, едва не взвела. Ну, что же я за идиотка! Встречалась со Старцевым, каталась на его машине, ужинала с ним, танцевала – и даже не спросила, где он работает! Единственное мне оправдание, я уже говорила: доктор будто и не хотел о себе

рассказывать – а я не настаивала. Но могла бы и сама догадаться! Где еще практиковать столичному светилу, суггестологу высшей категории, как не в элитном санатории «Ариадна»?!

...Он же – прямо скажем, довольно подозрительно – взглянул на меня и повторил свой вопрос:

– Как ты, Лиля, сюда попала?

Мне ничего не оставалось, как признаться:

– Я теперь здесь работаю. Инструктором по шейпингу.

И в бессильной ярости наблюдать, как по лицу доктора растекается удовлетворенная улыбка. И слушать, как он торжествующе произносит:

– О, Лиля, как все замечательно складывается! Что ж, так нам с вами будет куда удобнее!..

– Удобнее – что? – притворяюсь я непонимающей.

– Удобнее довести наши отношения до логического конца, – масляно улыбается доктор. – Ты ведь в корпусе для персонала живешь? Я к тебе загляну. Сегодня. Часиков в девять вечера.

И по его ликующему взгляду было видно: уж теперь-то Старцев точно не сомневается, что затащит меня в постель. Безо всякой преамбулы в виде ресторана или уроков автовождения.

Только я и раньше – еще пребывая в статусе скромной тренерши из Кирсановки – сомневалась, нужен ли он мне. А уж сейчас, когда работаю в «Ариадне» и рядом находится мой недостижимый и прекрасный Костя, не сомневаюсь вовсе.

И я бурчу:

– Вечером я занята.

Но если в Кирсановке доктор, слыша мои отказы, робко спрашивал, когда же я наконец смогу уделить ему время – то здесь он ведет себя совсем по-другому. Небрежно произносит:

– Значит, постарайся освободиться.

– Да с какой стати? – пожимаю я плечами.

А Старцев назидательно говорит:

– Да с такой, Лиля, что ссориться со мной тебе теперь неразумно... Понимаешь, о чем я?

– Вы мне не начальник, – продолжаю бунтовать я.

Хотя это не аргумент, конечно.

Старцев, по нахальной роже видно, здесь большой человек, а я – всего лишь инструкторша по шейпингу. К тому же новенькая, без репутации, без друзей... Одно его слово – и вылечу из теплого местечка, как пробка.

Но все равно: язык у меня так и чешется – просто послать старого приставалу куда подальше.

Однако я сдерживаюсь. Старцев – не спрашивая, а утверждая – произносит:

– Значит, договорились. Сегодня в девять я у тебя.

И деловитой походкой удаляется.

А я гляжу ему вслед и ломаю голову: как бы мне избавиться от его домогательств? И остаться при своей новой замечательной работе?!

...На свое первое занятие по шейпингу я тоже шла с тревогой. Как я справлюсь? Удастся ли подружиться с коллегами? Тренер из меня, может, и неплохой, но ведь я нигде не училась. Фитнес осваивала по видеокассетам. Для Кирсановки, может, и такой уровень сгодится – но устроит ли он столичных, разбалованных дорогими спортивными клубами фифочек?

Но первая моя клиентка оказалась абсолютно нормальной девицей. Не сильно старше меня – слегка, наверно, за тридцать. И говорок не противный московский, а скорее, как у «прекрасной няни», с гэканием. И держится без особого гонора, хотя бриллианты на пальцах внушительные.

– Тебя, кажется, Лилей зовут? – деловито обратилась она ко мне. – Ну, слушай, Лиля. Ставлю задачу. У меня проблемное место пресс. И попа. А еще я эту физкультуру страшно ненавижу. Так что ты на меня воздействуй. Любыми способами. Вплоть до физического утрашения.

– Лупить тебя, что ли? – ухмыльнулась я.

Фу, что я несу? Тут ведь не простецкий кирсановский клуб, к здешним клиенткам надо, наверно, на «вы» обращаться. Но эта поправлять меня не стала:

– Да хоть и лупи. А то у нас в Жуковке в клубе с нами носятся, да не устали ли вы, да не хотите ли отдохнуть, посидите в кресле, вот вам коктейльчик «Здоровье». Ну, и сидишь, расслабляешься. А задница растет.

На мой вкус, филейная часть у моей клиентки была вполне приемлемой. Не королева красоты, конечно, но и никаких особых телес. Но если хочет, чтоб ее гоняли – я ей мигом это устрою. Я врубила бодренькую «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи», велела повторять за мной и задала такой темп, что клиентка уже через десять минут пыхтела паровозиком.

Сейчас сдастся? Попросит в кресло и коктейльчик? Но тетка, молодец, терпела. А я на ходу ее подбадривала: «Еще минус сто килокалорий! Еще минус двести! Теряешь просто на глазах!..»

Полная чушь, конечно, но у нас в Кирсановке девчонки мне верили. Поверила и эта – явно разбалованная элитными столичными клубами. Впрочем, из Москвы ли она?

Когда сбавили темп и перешли к спокойным упражнениям на растяжку, я поинтересовалась:

– Ты сама вообще откуда?

– Вообще с Кубани, – хмыкнула она. – Станица Тимашевская, или Тимашевка. – И со значением добавила: – Но сейчас живу на Рублевском шоссе. Точнее, в Жуковке. Знаешь такое место?

– Это там, где президент?

– Ну, почти. Я из-за его кортежа вечно в пробках стою.

Клиентка явно устала, ей хотелось поговорить. И хотя до конца урока оставалось еще минут двадцать, я решила больше ее не мучить. Да и самой интересно: как вышло, что девчонка из Тимашевки стоит в пробке по соседству с самим президентом?

Катина история (так звали мою первую клиентку) оказалась довольно проста. Жила в бедной семье, отец пил, мать разрывалась между четырьмя детьми. Едва Катя закончила школу, назанимала у всех, у кого только можно, и рванула в Москву. Думала устроиться продавщицей. Но чтобы попасть на работу в магазин, нужна была столичная регистрация, а на рынке платили копейки. Да еще и работаешь на холоде, в Москве вечно дождь, слякоть, не то что в родных теплых краях. В общем, помыкалась пару месяцев и сдалась. Позвонила по объявлению, где «красивых девушек без комплексов приглашают на высокооплачиваемую работу».

– Не для того, конечно, я в Москву ехала, чтоб под разных козлов лечь подстилкой, – вздохнула Катя, – только что оставалось делать?

Но ей повезло. Первая же фирма, куда ее позвали на «просмотр», оказалась не совсем обычным борделем. Девушки здесь не банально *обслуживали* клиента, а делали ему массаж. Работать, конечно, приходилось без одежды, и всякие эротические приемы демонстрировать, но многие мужики действительно приходили в их фирму лишь для того, чтоб голые красавицы размяли им косточки. Возбуждались, что ли, от того, что обнаженная прелестница совсем рядом, а не потрогаешь. (Хотя трогать было можно. Но только после сеанса и за дополнительную, куда выше, чем типовые расценки по Москве, плату).

Кате новая работа пришлась по душе, она работала добросовестно, с азартом, и очень скоро клиенты стали приходить именно к ней.

– Все, кстати, очень серьезные ребята, – сообщила она мне. – И депутаты, и режиссеры, и бизнюки крупные...

А один, совсем старый и глубоко женатый, неожиданно принял в ее судьбе самое горячее участие. Оставался после массажа на секс, но был вполне себе ничего, ласковый. И все повторял, что ты, мол, девочка молодая, красивая, талантливая, и просто глупо растрачивать такие данные, работая в массажном салоне.

– А куда мне еще идти, в университет? – хмыкала Катя.

Университет ей, с еле натянутыми тройками, явно не светил.

– Толку от того университета, – улыбался дядька. – Замуж тебе, Катенька, надо. Замуж за хорошего человека.

– Так где ж его взять? – вздыхала она. – За вас бы пошла – но вы не зовете.

– Ну, милая, зачем тебе я, старик? – разводил тот руками. – Тебе молодого надо.

Однако никто из молодых – их в Катиных клиентах тоже перебивало немало – не спешил предлагать ей руку и сердце.

И вот однажды верный старикашка-поклонник преподнес девушке шикарный подарок: карточку в дорогой спортивный клуб. Катя, когда узнала ее стоимость, едва не застонала: лучше б деньгами дал! Полгода бы нужды не знала! Но возврату карточка не подлежала, а старичок зудел:

– Ты, Катенька, не кривись. Я ведь тебе мог бриллиант купить – но подарил именно карточку. Значит, неспроста. Значит, ходи в клуб. Потому что самые достойные мужья как раз в таких местах водятся. Не в казино же их искать! И не в ресторанах. Туда мужики развлечься приходят. И, если снимают девушку, держат с ней ухо остро. Все время начеку, думают, что их хотят захомутать. И делают все, дабы не попасться на крючок. Секс – да. Подарки – частенько. Но про замуж – даже не заикайся. А в спортивном клубе мужик расслаблен. Он пришел туда тренироваться. Он с упоением переходит от тренажера к тренажеру. И не ждет подвоха, когда к нему подходит симпатичная девушка и нежным голоском просит убрать со штанги «эти тяжеленные блины, потому что только вам под силу выжать сто килограммов, а я могу поднять максимум десять». Мужчина с рвением бросается на помощь. Попутно оценивает незнакомку. И если в ночном клубе короткая юбка и платье с глубоким декольте часто вызывают подозрения (чего это она вырядилась, все наружу, вдруг проститутка?), то в тренажерном зале можно демонстрировать фигуру на вполне законных основаниях. Эластичные брючки в обтяжку, майку с глубоким вырезом и соблазнительно открывающие стопу легкие кроссовки можно купить за разумные деньги в любом спортивном магазине. Ну, а если ты, при хорошей фигуре и симпатичном лице, еще и не круглая дура, то крупный улов тебе практически гарантирован. В приличные спортивные клубы ведь не грузчики ходят. И не мелкие менеджеры. Куда ни плюнь – попадешь в директора, а то и в президента компании. И женатиков среди них, со знанием дела просвещал Катерину покровитель, не более половины.

Катюша выслушала его рассказ с большим интересом и решила: чего она теряет? Не выкидывать же карточку...

И получилось, не обманул старичок, потому что уже через полгода Катя играла шикарную свадьбу с весьма успешным и всего лишь сорокалетним бизнесменом.

– ...Только одна беда, – закончила свой рассказ Катерина. – Муж мой, Васька, на спорте повернут. Продолжает в клубе торчать по четыре раза в неделю. А мне, хоть я все эти тренажеры и ненавижу, приходится с ним ходить. Чисто на всякий случай, присматривать, чтоб какая-нибудь умница вроде меня его не отбила. А толстые в спортивном клубе не в почете. Вот я и мучаюсь, качаю пресс – надо ведь на уровне быть...

«Подумаешь, проблема – тело в форме держать!» – мелькнуло у меня. Катюше оставалось только позавидовать. Нашла, на что жаловаться: четыре дня в неделю проводит в рос-

кошном клубе! Я-то сама всегда всякие зарядки-тренировки любила. И в школе никогда с физкультуры не сбегала, и во все секции, куда меня пристраивала мамочка, добросовестно ходила. Да и мужчины мне всегда нравились спортивные. Юрик, моя первая любовь, во многом меня тем купил, что подготовлен был лучше некуда. Я и от фигуры его, красиво накачанной, с бугорками мышц, просто млела. И от стремительных, кошачьей элегантности, движений. Я Юрика даже иногда упрашивала дома в кимоно походить. О, этот соблазнительный крепкий торс, едва прикрытый белоснежной тканью! А эти узкие бедра, вызывающе обтянутые белым хлопком! А тонкая талия, перехваченная черным поясом!..

Но только, увы, мой Юрик был совсем не топ-менеджером. Кулаками махать умел, а кошелек – вечно пустой. Стыдно вспоминать, но ведь он на пиво у меня стрелял. Мама, уж на что гостеприимная, а жаловалась, что Юрика не прокормишь: уминал, не стесняясь, по три отбивных, подъедал все имевшееся дома съестное до кусочка. На меня никогда денег не тратил, редкие букеты да единственное крошечное колечко не в счет. А когда оказалось, что я залетела и заикнулась, чтобы оставить ребенка, и вовсе возмутился:

– Ты с ума сошла? Это ж какие расходы!

А ведь я ждала от него совсем других слов...

...Первое занятие было закончено. Катюха снисходительно похвалила:

– А ты ничего! Я к тебе и дальше буду ходить! И среди девчонок рекламу тебе сделаю.

– Спасибо, – кивнула я.

И отправилась на обед.

Мы, персонал, должны были принимать пищу в мрачном зале с рядом щербатых и хромоногих столов. Пахло здесь совсем невкусно: подкисшими щами, старым компотом. Но все это оказалось совсем не важно, потому что прямо с порога солнечным пятном я увидела: за столиком у окна сидит Константин. И смотрится в убогой обстановке столовой абсолютным инопланетянином. Тонкие нервные пальцы, стильная прическа, дорогой костюм... Будто известный артист неведомым образом оказался на глухом полустанке, зашел перехватить бутерброд в станционном буфете...

Я, не глядя, что беру, покидала на свой поднос тарелки. Кажется, там был салат из капусты, борщ, котлета с пюре – скучнейший столовский набор. И со всех ног кинулась к столику, где сидел Константин. Неужели мы окажемся рядом?! И, может, мне удастся ненадолго коснуться его руки?.. Как хорошо, что после тренировки я успела принять душ и подкраситься, и уложить феном волосы!

– Здравствуйте, Константин Сергеевич! – широко улыбнулась я.

– Привет, Лиля, – сдержанно кивнул он.

И ни тени улыбки на прекрасном, но таком холодном лице. Он что же, даже не предложит мне присесть рядом с ним?

– Спасибо вам большое... ну, за утро... – ступевалась я. – Что отмазали от этого тролля...

В его глазах на секунду вспыхнули веселые искорки. Но тут же погасли, лицо вновь стало бесстрастным.

– Пожалуйста.

И тут я разозлилась – в первую очередь на себя. Чего я действительно, как последняя идиотка, стою с подносом?

– Я присяду, – утвердительно произнесла я.

Но водрузить поднос на стол не успела. Ко мне коршуном подлетел давешний огромный охранник Кирюха – гора мышц с крошечной головкой динозавра. Он схватил меня за плечо и прошипел:

– Ты чего делаешь?

Я захлопала глазами:

– А что опять не так?

Кирилл продолжал шипеть в ухо:

– Чего, овца, читать не умеешь?

И, как котенка, ткнул носом в табличку, стоявшую на столе. На ней значилось: «*Высший менеджмент*».

– Полегче, Кирилл, – поморщился Константин Сергеевич.

– Так если не понимает человек! – возмущенно воскликнул охранник. И на всю столовую заорал: – Вон твои столы! У дверей! А тут директор сидит! И другое начальство!

Народу в зале было немало, и почти все с интересом обернулись в нашу сторону. Я же изо всех сил боролась с искушением обрушить содержимое подноса прямо на бритую башку динозавра. Красный борщ на его мерзкой физиономии будет смотреться шикарно. Но меня ведь тогда уволят. И я так и не смогу доказать Константину, что достойна находиться рядом с ним...

Я виновато склонила голову и пробормотала:

– Извините. Я не заметила.

И позорно ретировалась в темный и неудобный угол, где располагались столы для простых смертных.

Ни к кому подсаживаться не стала – водрузила свой поднос на единственный оставшийся свободным столик. В мою сторону оборачивались девицы, по виду горничные, и злорадно хихикали. В столовой появлялись все новые люди, однако за мой стол никто не садился. Благодаря ору охранника вокруг меня будто вакуум образовался.

Я машинально, не чувствуя вкуса, съела салат. Перешла к борщу. Никакого сравнения с теми вкусностями, что готовит моя мама. Вот тебе и роскошное «санаторное» питание!

Я кипела от возмущения. Что у них здесь за дурацкие правила?! Высший менеджмент, рядовые сотрудники... Почему вместе-то нельзя сидеть?! Да и Костя хорош: нет бы защитить меня перед Кирюхой! Нет бы властным голосом сказать: Лиля, мол, сядет со мной, и точка. Разве посмел бы охранник перечить начальнику отдела кадров?

Я чувствовала себя разочарованной. Прекрасный принц, думала я, должен себя иначе... Хотя, с другой стороны, кто я такая, чтобы Костя со мной бесконечно возился? И без того на работу устроил, перед директором утром отстоял. Мужчины ведь не любят женщин, которые им постоянно создают проблемы. Ну, и не буду ему навязываться. Мне он, конечно, нравится, но не настолько же, чтобы проходу ему не давать! Можно подумать, в санатории других мужчин нет. Вот и закручу быстренько роман – просто назло вредному Константину.

Я оглядела столы вокруг. Что тут за люди? Вот отдельно сидят шестеро узбеков в одинаковой грязно-зеленой форме. Наверно, рабочие. Еще два стола заняты средних лет тетками в синих платьях – скорее всего, горничные. А мужики в черных костюмах, сто процентов, охранники. Не те, кто сделал карьеру, как мой мучитель Кирюха, а рядовые. Странно тут у них. Представители каждой профессии сидят, что ли, всегда вместе? И общаются только между собой? Хотя нет. Вон там, за столиком на шестерых, разношерстная компания собралась. Две молодых девчонки в белых халатах – скорее всего, медсестры. Двое женщин в гражданской одежде – непонятно, кто такие, может, из бухгалтерии. И с ними двое мужиков. Один, старый и плохо выбритый, интереса не представлял. Но вот второй... оказался вылитый мой Юрик. То есть лицо, конечно, у него было совсем другое. И волосы светлые против Юриковых угольно черных (такие же теперь у моего Максимки). И ростом, кажется, этот повыше. Но в остальном – точная копия. Такая же идеально накачанная фигура. Суровая складка у рта. Настороженный, как у степного орла, взгляд. И пусть с Юриком мы расстались почти врагами, и я его, особенно в тяжелые ночи, когда бесконечно укачивала НАШЕГО капризничавшего Максимку, жестоко ненавидела, сердце все равно кольнуло. Предвкушающе. Сладко. Все-таки были в Юрике и плюсы. Сильное, прижимающее тебя к постели тело. Безжалостные, всюду проникающие руки. Взгляд, прожигающий до глубины души...

Меня даже дрожь пробрала, щеки, кажется, покраснелись. Да что это со мной? Нервное напряжение требует выхода? Или просто я сексуально озабоченная, как моя мама ворчит?

Я вся подобралась. Кто он, этот красивый сильный мужчина? Впрочем, кто бы он ни был: сидит-то за столиком для простого персонала, как и я. Значит, вполне можно к нему подобраться без риска, что проклятый Кирюха опять повозит тебя, на виду у всех, мордой об стол.

...Мы по этому поводу всегда с мамой спорим. Мамуля у меня типичная представительница старой школы. Искренне верит в то, что нельзя без любви, а целомудрие – лучшее украшение девушки. На мой взгляд, это полная ерунда. Нет, я, конечно, тоже не бросаюсь на мужчину по первому свистку. И чтобы затащить меня в постель, нужно еще очень постараться. Я, как и любая нормальная женщина, предпочитаю, чтобы завоевывали меня, но иногда не случается. И в таких ситуациях, считаю я, действовать нужно решительно. Не зря же говорят: «в большой семье не щелкай клювом». Вот и с мужчинами то же самое. Нормальные мужики в наше время реально на вес золота. И если вдруг на твоём пути встречается подходящий, самое глупое, что ты можешь сделать: разинуть рот и мечтать, что твой принц вдруг усядется на белого коня и поскачет с роскошным букетом к твоему дому. Да не доедет он никогда! Потому что по пути на него начнется настоящая охота. Другие, менее целомудренные девушки, направят на него стрелы своих улыбок, взглядов, роскошных фигур... И, сто процентов, перехватят. А несостоявшейся принцессе останется лишь бессильно скрипеть зубами.

...Вот и тут я быстро оценила диспозицию. Лезть за чужой стол было глупо – он на шестерых и весь занят. А вот бросить на мачо рассеянный, но в то же время заинтересованный взгляд... Небрежно откинуться на стуле, продемонстрировать грудь – благо действительно есть что показать... Загадочно, словно бы своим мыслям, улыбнуться...

Ага, заерзал, тоже поглядывает. Но встать, подойти не решается. Боится, наверно, что его дамочки оскорбятся. Что ж. Поможем. Я поднялась. Двинулась к стойке – будто бы добавки захотела. По пути через весь зал столовой как ни в чем не бывало улыбнулась моему Косте. И даже негодяю Кирюхе. Взяла поднос, не спеша поместила на него несколько салфеток... еще один невкусный салат... И, конечно, дождалась: спортсмен тут как тут. Пристроился рядышком, покровительственно шепчет в ухо:

– Возьмите лучше шпроты. Безопасно для здоровья!

– Ой, а есть шпроты? – удивилась я (хотя неприглядные, рыжего цвета рыбины стояли прямо перед моим носом).

Схватила тарелочку и благодарно улыбнулась собеседнику:

– Спасибо вам!

Он с интересом оглядел меня всю – от стройных, спасибо постоянным тренировкам, ног до макушки – волосы сегодня лежали отлично. Я тоже рассмотрела его: вблизи он оказался еще симпатичнее. Один, пожалуй, минус: глаза грустные. Вроде и улыбается мне, и вид беспечный, но где-то в глубине зрачков – печаль.

Мужчина спросил:

– А вы кто? Никогда вас раньше не видел. Неужели тоже у нас работаете?

– Да. – Я протянула ему руку. – Лиля. Инструктор по шейпингу.

Давно заметила: зря считается, что рукопожатиями обмениваются лишь мужчины или засушенные, как воблы, бизнес-леди. На самом деле руку протянуть уместно и вне бизнеса. Больше того, мужики, особенно у кого огромная сильная лапа, просто балдеют, когда в их ручище женская ладошка оказывается. При условии, конечно, что ладонь эта не потная, ухоженная и с маникюром.

– Тренер по шейпингу? – На его лице отразилось изумление.

– А что вас удивляет? – не поняла я.

– Нет, нет, ничего, – поспешно произнес он и осторожно пожал мою руку. – Просто мы, получается, коллеги. Я тоже тренер. По плаванию. А зовут меня Степан.

И немедленно начал атаку:

– Давайте сегодня встретимся после работы. Только я поздно освобожусь. Давайте в одиннадцать вечера, ладно?

Ну, это он разогнался.

– Спасибо, Степан. – Я опустила глаза. – Но так поздно я с мужчинами не встречаюсь.

– Лиля, вы не поняли! – горячо произнес он. – Я не имел в виду ничего плохого!

А то я не вижу, как ты на меня облизываешься!

Я скосила глаза на столик для высшего менеджмента и увидела еще одну приятность: Константин смотрел на нас! Его взгляд меня порадовал.

– Лиля, пожалуйста, не отказывайтесь, – не отставал новый знакомец. – Не хотите сегодня – давайте завтра. Говорите: когда? Где? Куда пойдём?

Ну, и напор!

Я осторожно произнесла:

– Давайте, м-мм... сначала вместе поужинаем. Хотя бы здесь. Заодно и познакомимся поближе.

– Ну, хорошо, – неохотно согласился он. – Только вы обязательно приходите! Я буду ждать.

Степановы тетки на нас тоже поглядывают. Весьма недовольно. Похоже, взревновали! Ну, раз ревнуют – значит, человек достойный.

– До встречи, Степан! – Я легонько коснулась его руки и вернулась за свой столик. Честно съела совершенно невкусные шпроты. И гордо покинула столовую. Я не сомневалась: Степа, уж точно, не сводит с меня глаз.

...После обеда ко мне на персональную тренировку явилась еще одна клиентка – важная пухлая дама. Эта, в отличие от Кати, мне сразу не понравилась. Держится надменно. И говорит командным тоном, будто школьная училка. А главное, прямо с порога стала приказывать:

– Мы с вами начнем с дыхательной гимнастики. Далее займемся растяжкой и упражнениями для позвоночника. Ну, а позже можете дать мне небольшую аэробную нагрузку.

Ишь, специалистка! Только мне-то с первого взгляда видно, что спортивной подготовки у нее никакой. Такая через пятнадцать минут занятий выдохнется. До аэробики дело явно не дойдет.

Я хмуро спросила:

– Вы, наверно, хозяйка спортклуба?

– С чего вы взяли? – высокомерно выплюнула она.

– Тогда, значит, тренер?

– Деточка, я что, похожа на тренера?

– Ну, а раз не тренер, – отрезала я, – значит, не надо меня учить, как с вами заниматься.

Лягнула – и опять заволновалась. У нас-то, в Кирсановке, девчонки привыкли, что я на них покрикиваю. На них не рявкнешь – всю тренировку будут на ковриках валяться и еле-еле ножки поднимать. А вдруг эта сейчас жаловаться побежит?

Но возмущаться дама не стала. Пристально посмотрела на меня и вдруг произнесла:

– Тебе двадцать восемь, верно?

– Да, – растерялась я.

Интересно, как она догадалась?

– Рост... примерно сто семьдесят, параметры... – она пристально разглядывала меня, – грудь около ста, талия шестьдесят пять, бедра почти идеальные, девяносто.

Ошиблась от силы на сантиметр. Я удивленно на нее уставилась. Что за непонятный осмотр?

А тетка продолжала бормотать, будто бы про себя:

– Тип лица славянский, глаза серо-голубые, неплохо, а вот волосы ты, конечно, испортила. Неужели не ясно, что нужно только в приличных салонах краситься?

Ага, только приличные – они и стоят прилично. А меня стрижет и красит по старой дружбе Ташка, бывшая одноклассница.

– Образования у тебя, – не умолкала клиентка, – никакого, десять классов и какие-нибудь курсы. Мужа, конечно же, нет. – И требовательно спросила: – Все правильно?

Отвечать я не стала. Отвернулась к магнитофону, включила музыку, строго произнесла:

– Давайте начнем.

– Да подожди ты! – оборвала она. И вкрадчиво спросила: – В Москву со мной поехать хочешь?..

О, нет! Только не это! В свои двадцать восемь я прекрасно умела отшивать неприятных мне особ мужского пола. Но как вести себя с приставалами-женщинами – просто не знала. Да прежде они и не подкатывались ко мне никогда. Наша Кирсановка – совсем не заповедник для лесбиянок.

Наверно, на моем лице отразился ужас, потому что тетка вдруг расхохоталась:

– Ты чего смотришь на меня, как на морское чудовище? Думаешь, я тебя в свою постель хочу затащить?! – И усмехнулась: – Не волнуйся. Ты не в моем вкусе.

Сунула руку в кармашек ослепительно белого спортивного костюма и вручила мне визитную карточку.

«АНГЕЛИНА АМЕЛИНА. АГЕНТСТВО ЗНАКОМСТВ „TON AMOUR“, – прочитала я.

Тетка же (кажется, она была чрезвычайно рада, что тренировка до сих пор не начинается) по-хозяйски расположилась на мате и произнесла:

– Объясняю сразу: ничего порочного я не предлагаю. Наоборот: помогу жизнь устроить. У тебя, кстати, высокие шансы. В моем агентстве запросов на таких, как ты, полно. И мужики все достойные. Что замуж возьмут, правда, не гарантирую, но квартиру тебе снимут. И оденут, как куколку. Само собой, бриллиантики, заграницы, премьеры.

– Да ладно! – не поверила я. – Будто у вас в Москве своих охотниц за бриллиантами нет!

– Что бы ты понимала! – презрительно усмехнулась Ангелина. – Я в этом бизнесе уже пятнадцать лет. И, к твоему сведению, достойные женихи москвичек нынче почти не заказывают. У тех слишком гонора много. А мой клиент – он ищет отдушину. Не просто красивую девушку, но еще и хозяйственную, добрую, спокойную. А что москвичка? Котлет не пожарит, вечер дома, перед телевизором, для нее катастрофа, ей каждый день ночные клубы подавай. Одеваться желает в бутиках, а там завалящая кофточка тысячу долларов стоит. Да еще и брачный контракт требуют. Поэтому, если раньше клиенты всегда просили, чтоб девушки только со столичной пропиской, то теперь наоборот. Российское гражданство, конечно, нужно, а то, что не москвичка, даже хорошо. Ну, чего? Внести тебя в базу данных? Ничем не рискуешь! Выберут – начнешь переписываться. Пригласят – приедешь в Москву. Конечно, за счет жениха...

– Да можно, наверно, – неуверенно пробормотала я.

– Ну, и прекрасно. – Она извлекла из другого кармана электронную записную книжку (первый раз встречаю людей, которые берут с собой на тренировки такие вещи). – Диктуй фамилию, имя-отчество, телефон. Детей, надеюсь, нет?

– Есть, – вздохнула я. – Сын.

– Большой?

– Три года.

– Вот не можете вы без этого! – сразу рассердилась она. И протянула: – Ну, тогда все сложнее... Клиенты – они своих детей хотят, а чужие, сама понимаешь, никому не нужны. Хотя... Если есть, с кем оставить... тогда в анкете про ребенка можно и не писать.

Я вдруг представила, как еду с подачи этой громогласной особы покорять Москву. Искать себе богатого жениха. А моего зайчика, Максимку, оставляю на попечение бабушки. И даже не признаюсь мужчине – будущему мужу, – что у меня есть сын...

Нет. Никогда.

И я твердо произнесла:

– Нет. Такой вариант меня не устраивает.

– Ну, и сиди тогда в своей дыре! – Моя клиентка мигом утратила весь свой лоск.

– Договорились, – не стала я вступать в перепалку. Сделала погромче музыку и начала наконец тренировку.

Бэла

Санаторий меня поразил – чистый, светлый, ухоженный. Да еще и путевка у меня оказалась, спасибо отцу, самой что ни на есть элитной. Поселили меня в двухкомнатный люкс, кровать с балдахином, на столе ваза с фруктами, по стенам неплохие картины. «И все процедуры у вас оплачены, по ультра-олл-инклюзив, – заверили на рецепшн, – и тренировок любое количество, и любые экскурсии... И заниматься вами будет доктор Старцев, это наш лучший специалист!»

– Да, да, спасибо, – несколько растерялась я.

Честно признаться, я чувствовала себя в роскошном окружении не очень уютно. Случайно расплескала воду по полировке столешницы и до смерти перепугалась, что пойдут пузыри. И с кранами в ванной, какими-то хитрыми, навороченными, разбиралась чуть не полчаса. А уж местное светское общество мне и вовсе не пришлось по душе.

...Отец утверждал, что сюда, в санаторий «Ариадна», съезжаются самые «сливки». Одно из двух: или он жестоко ошибался, или российская элита – полное г... Честное слово: мне куда приятнее общаться с коллегами-воспитательницами в нашем садике (неустроенные, безмужние, с доходами ниже среднего). Да что там, даже наши нянечки (хохлушки или молдаванки без прописки и максимум со школьным образованием) – и те куда симпатичнее, нежели съехавшиеся в «Ариадну» гранд-дамы.

В самое первое утро, когда я вышла к завтраку, со мной едва культурный шок не случился. Потому что я сама, конечно, не делала никакого особого макияжа. И нарядилась всего лишь в джинсы и свежую футболку. Босоножки надела без каблучка. Но выглядела при этом абсолютно белой вороной. Прочие же девушки, женщины и дамы (отдыхал в санатории почти сплошь слабый пол) дружно, будто между собой сговорились, явились в столовую в спортивных костюмах. И в шлепанцах. И в большинстве своем лохматые (не исключено, конечно, что я ничего не понимаю в модных стрижках, и за художественный беспорядок на своих головах они отвалили немалые деньги). А многие еще и с красными глазами и с ошутимым похмельным запашком. Запашком такой силы, что никаких сомнений не оставалось: они полночи выпивали, и выпивали крепко. Ничего себе люди здесь оздоравливаются!

Одна из девиц – в совсем уж несолидном бумазейном костюме (на штанине, впрочем, вызывающим золотом горел лейбл: «Джуси кутюр») – дурашливо приветствовала меня:

– Ой! Ты откуда такая красивая?..

Подобные вопросы всегда ставили меня в тупик. Как, интересно, на них отвечать? По существу – «я, мол, из Москвы?» Или – «сама ты дура»?

Впрочем, девчонка ответа, кажется, и не ждала. Протянула мне свою ладошку, буркнула:

– Катюха.

– Бэла, – представилась я.

– Ух, ничего себе! Узбечка, что ли? – округлила глаза новая знакомая.

– Сама ты узбечка. Сокращенное от Изабель, – пожала я плечами.

И похоже, прибавила себе очков, потому что Катюха уважительно пробормотала:

– Не, Изабель – фигня. А Бэла – это красиво. Как у Лермонтова, он почти что мой земляк. Пойдем за мой стол?

– Пошли, – благодарно улыбнулась я.

Пока мы завтракали, девица трещала без умолку. Свою болтовню она, впрочем, называла вводным инструктажем: «Ты ж, Бэллочка, новичок, а я здесь уже вторую неделю отдыхаю».

Инструктаж, правда, практически не касался медицинских процедур или, скажем, экскурсий. Зато девушка охотно рассказывала про то, что тренеры-мужчины здесь красавчики – особенно Степан, тот, что плавание ведет. А вот инструкторши по шейпингу – провинциальные курицы: «И сами ничего не умеют, и клиента заставить не могут». Впрочем, сказала Катя, со вчерашнего дня в «Ариадну» новую инструкторшу взяли, зовут Лилька. Вот та – ничего, строгая. И по жизни вроде нормальная... Врачи, в Катиной аттестации, в «Ариадне» работали сплошь импотенты – «только Георгий Семенович и мужик, а остальные лохи». Ну, а самого большого числа комплиментов удостоился бармен Ромчик – умеющий смешивать изумительные коктейли...

Уже к середине завтрака у меня от Катиного лепета начала трещать голова – говорила она громко, да еще и с каким-то незнакомым, явно не московским акцентом. Но, поняла я с ее слов, в столице девушка вращалась в самых высоких кругах, жила на Рублевке, ездила на «Ауди». В общем, та самая элита, с которой мне следует брать пример.

Я еле дождалась, пока Катерина слопает последний круассан (всего за время завтрака она их уничтожила четыре – как, интересно, собирается худеть с таким аппетитом?), и с удовольствием с ней распрощалась.

...Еще вчера вечером, когда я регистрировалась на рецепшене, мне выдали бумажку с персональной программой. В ней значилось:

9.00 – завтрак.

10.00 – консультация терапевта

11.00 – занятия (аэробика)

12.00 – доктор Старцев (психолог)...

...Отец, провожая меня, напутствовал: «Не теряй, Бэлочка, ни минуты. Постоянно приглядывайся, запоминай, учись, впитывай...»

Что ж, иронично подумала я, завтрак прошел не без пользы. Я усвоила, что элита нынче ходит в костюмах-размахайках и болтает с такой скоростью, что нам, простым людям, и словечка вставить не удастся... Чему-то меня научат консультация терапевта и занятие аэробикой (первое в жизни)?

Однако врач (с многообещающей фамилией Нобель) оказалась вполне адекватной теткой. Расспросила, осмотрела, назначила анализы... Впрочем, не дожидаясь их результатов, написала заключение: «Практически здорова. Нагрузки средней и высокой интенсивности». С этой бумаженцией я и направилась на тренировку. Занимались здесь, оказывается, не в группе, а тет-а-тет с инструктором. Мою тренершу звали Марьяной – и она мне не понравилась чрезвычайно. Вся какая-то скользкая, услужливая: «Да не желаете ли вы?.. Да не будете ли так любезны?..» А глаза при этом – равнодушные и злые. И я для себя решила: в следующий раз надо обязательно записаться к той новенькой, о которой говорила Катюха – к Лиле.

Зато следующий пункт в моем списке – доктор Старцев... Он меня просто поразил.

Я очень тяжело схожусь с людьми. Да что там: я их даже боюсь. Каждый человек, считаю я, заботится лишь о себе любимом и заинтересован исключительно в личном благополучии. Мне легко лишь с маленькими детьми – вот те распахнуты всему миру, и смеются искренне, и радуются тебе не потому, что им что-то от тебя нужно, а от души. А взрослые – каждый из них преследует исключительно свои цели.

Но доктор Старцев... Может, это, конечно, профессиональное, или он просто замечательный актер. Едва я вошла в его кабинет, как он вскинул на меня угольки своих темных глаз, и приветливо улыбнулся, и усадил меня в кресло, и отправил медсестричку за чаем (и ведь как-то узнал, почувствовал, что люблю я именно черный, обязательно с кружочком лимона)... Я не скажу, что *пропала* (вообще не люблю этого глупого, из фальшивых женских романов, слова). Но мне сразу стало так легко-легко. И отчего-то захотелось рас-

сказать доктору и про то, как мне бывает грустно, когда я поздними вечерами возвращаюсь домой на электричке – всегда одна... И как мне всю жизнь не хватало отца. И как он вдруг, когда я стала уже совсем взрослой, появился – и своим появлением создал в моей жизни, кажется, еще больше проблем...

Доктор же вышел из-за своего стола. Приблизился ко мне. Ненавязчиво, но уверенно коснулся моего плеча. И неожиданно озвучил ровно ту мысль, что крутилась в моей голове:

– Бэла! У меня такое ощущение, что мы с вами знакомы очень давно...

И от этих слов мне стало еще легче и веселее.

...Впрочем, больше никаких вольностей доктор (Георгий Семенович – именно его, поняла я, Катюха за завтраком и нахваливала) себе не позволил. Вернулся за свой стол и начал задавать обычные медицинские вопросы: сколько мне лет? Чем болела? Давно ли у меня проблемы с весом? Чем болели родители? Я машинально отвечала. Про отца сказала, что он с нами не жил и о его болезнях я не знаю, и что теперь он вроде бы здоров и успешен. А когда врач закончил заполнять медицинскую карту – закрыл и отложил ее в сторону – то удивил меня снова. Вдруг произнес:

– Бэла! Вы ведь дочь Ивана Малыгина, я правильно понимаю?

– Правильно, – буркнула я.

– Это... тот самый? – не отставал Старцев. – Владелец заводов, газет, пароходов?

Похоже, слава об отцовских миллионах широко шагала по стране.

И я не без некой гордости кивнула:

– Да.

– Но вы работаете воспитателем в детском саду... – задумчиво произнес доктор. – Полагаю, это своего рода вызов?

Ну, тут уж он ошибается. Я едва не ляпнула, что место директора в каком-нибудь из своих филиалов папаня мне и не предлагал, но в последний момент удержалась. С чего это я буду признаваться в том, что на самом деле бедна, как церковная крыса? Пусть Старцев считает меня одной из них. Из богачек. И я с умным видом кивнула:

– Да, Георгий Семенович, это мой осознанный выбор. Потому что делать из детей умных людей не менее интересно, чем делать деньги.

– Вы правы, абсолютно правы, – с готовностью кивнул доктор. И добавил: – К тому же, я догадываюсь, вам с детьми общаться проще, чем со взрослыми...

Я вздрогнула: как он почувствовал, что малышня действительно моя единственная отдушина?

Старцев продолжал:

– Но вы знаете, я давно пришел к выводу, что взрослые – они на самом деле такие же дети! Беспомощные, искренние, любящие. И нужно лишь сделать определенное усилие, чтобы вытащить их добрые качества из-под защитного панциря.

Я в изумлении смотрела на него. Далеко же наш разговор ушел от сбора анамнеза и медицинских назначений!

А доктор вновь резко сменил тему. Внимательно, ласково посмотрел на меня и произнес:

– Знаете, что я еще понял? Вам нужно обязательно научиться танцевать.

– Что-о? – опешила я.

– Танцевать, – повторил он. – Причем я не современное дерганье, конечно, имею в виду. Вальс. Танго. Фокстрот. Вы ведь никогда танцами не занимались? А если занимались – то быстро бросили, верно?

И снова не в бровь, а в глаз.

Я безумно с раннего детства была влюблена в роскошные платья, и танцевальные туфли на каблучках, и элегантных, в черных фраках, кавалеров... Мама даже водила меня,

девчонку, в секцию бальных танцев, и это стало чуть не самым большим разочарованием в моей жизни. Потому что в нашей группе на двадцать девиц оказалось всего трое мальчишек. И доставались они, естественно, самым пробивным, самым гибким и самым стройным. А я была закомплексованным, робким, неповоротливым бочонком. Вот и танцевала всегда одна, в последних рядах – но только разве вальс можно исполнять в гордом одиночестве?.. А потом меня из секции и вовсе попросили. Преподавательница сказала маме – причем в моем присутствии:

– Советую вам закончить этот цирк. Все равно у вашей дочери никаких шансов. А танцевать одной, без партнера, просто глупо.

...Прошло много лет, и старая детская травма вроде давно должна бы зажить, но до сих пор, когда я случайно наталкивалась по телику на танцевальные конкурсы или, еще хуже, репортажи, скажем, с венских балов, мне всегда хотелось плакать.

...Старцев неожиданно попросил:

– Встаньте, Бэла.

Я послушно поднялась.

И он вдруг уверенно (и нежно!) заключил меня в объятия и закружил по комнате в вальсе. Боже мой! Давняя детская репетиторша всегда утверждала, что у меня проблемы и с ритмом, и с координацией, и с пластикой. А тут, хотя мы танцевали впервые, и в тесном кабинете, и даже без музыки – у меня получалось абсолютно все! Я знала, чувствовала, когда темп нужно ускорить, а когда – замедлить. Когда отдаться на волю сильных рук доктора, а когда, наоборот, перехватить инициативу. Когда прижаться к нему – а когда отдалиться...

Когда танец был закончен и Старцев вновь усадил меня в кресло, он в искреннем восхищении (тут ошибиться невозможно!) произнес:

– Бэла! Вы изумительно танцуете. И я хотел бы... потанцевать с вами еще. В более благоприятной обстановке. Скажем, завтра вечером. В семь часов. Давайте встретимся в баре, а потом решим, что дальше. Договорились?

Я опешила. Кажется, врач назначает мне свидание?! Но... Разрешено ли здесь это? И потом: ему явно уже лет пятьдесят, не меньше. И он наверняка женат. И вдруг он назначает свидания всем своим пациенткам и всех пытается соблазнить – а мне совсем не хотелось выглядеть дурочкой, которая бросается почти незнакомому мужчине на шею по первому зову.

Я твердо произнесла:

– Вообще-то, Георгий Семенович, я хотела бы ограничить наше общение медицинскими рамками.

Сказала – и напряглась: вдруг он обидится? И скажет: «Ну, и ищи себе тогда другого врача!»

Но доктор лишь рассмеялся:

– Не волнуйтесь, Бэла. Танцы – это часть терапии.

– Терапии? Какой?

– Ну да, вы же пока не в курсе... Я – ведущий в России специалист, избавляющий от избыточного веса.

– Это я уже знаю.

Старцев будто не расслышал моей реплики и продолжил:

– Многие ошибочно именуют мой метод кодированием, однако не все столь однозначно. При банальном кодировании в подсознание закладывается запрет на употребление вредных продуктов. Однако сорваться легче легкого. Достаточно лишь оказаться на фуршете... или просто сильно проголодаться – и пациент решает, что от одной булочки ничего плохого не случится. А дальше следует еще булочка, потом еще – и все лечение насмарку. По статистике, более половины пациентов срывается в первые же недели. Я же намерен изле-

чить вас кардинально. Изменить ваше мироощущение. Превратить вас в элегантную, стройную, уверенную в себе красавицу. А для достижения этого результата нам с вами придется работать комплексно. И долго. Не только здесь, в кабинете, но и в неформальной обстановке. Мне нужно понять вас, прочувствовать, настроиться на вашу волну. Лишь тогда наше лечение будет иметь успех. Посему, если хотите преобразиться, не спорьте – завтра вечером мы с вами идем танцевать.

Он властно и уверенно взглянул на меня, и в его глазах я прочитала: доктор говорит правду, да не совсем. Терапия терапией, но, пожалуй, я для него не просто пациентка. Я ему явно нравлюсь как женщина. Или ему мои мифические миллионы нравятся? Хотя непохоже. Старцев, сразу видно, и сам человек обеспеченный, часы на запястье дорожные, галстук из натурального шелка. Да и нет у меня никаких миллионов, за которые стоило бы бояться...

И в меня будто бесенок вселился. Почему, собственно, и нет? Я вновь перехватила взгляд изумительных, проникающих до глубины души глаз доктора, и меня словно теплой морской волной обдало. Да плевать на все условности! Ведь, по большому счету, это самый первый человек в моей жизни, кто заставил мое сердце затрепетать. Ну, и пусть я у него одна из многих. Зато мне с ним хорошо, как ни с кем. Даже в медицинском кабинете. А каково будет в баре – или куда мы там с ним пойдём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.